Посвященіе поэзіи Баллюзіи

ЗАПИСКИ
НЕОФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

при ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Выпускъ VII.

Изданъ подъ редакціей дѣйствительныхъ членовъ Общества проф. Д. К. Петрова и прив. доц. К. Ѳ. Тіандера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ 1914.

Складъ изданія у А. Э. Винеке.
Книгоиздательство, Книжный Складъ и Типо-Литографія
Екатерингофскій пр., 15.

20673.
5. 2. 40 -
Киевск

Содержаніе предыдущихъ выпусковъ.

Выпускъ I. 1888. (Записки Романо-германскаго Отдѣленія Филологическаго Общества при Имп. СПБ. Унив.).

Отдѣлъ I. Отчетъ за 1885—86 г. Рѣчь А. Н. Веселовскаго. Отчетъ за 1886—87 г. Дополненіе къ Уставу Филол. Общ. Каталогъ журналовъ. Личный составъ.

Отдѣлъ II. А. Н. Веселовскій: Легенда о дикомъ охотникѣ. А. Н. Веселовскій: Кіевъ—градъ Днѣпра. Гр. А. А. Бобринскій и Ѳ. Д. Батюшковъ: Лицевая исторія Fauve; текстъ съ введеніемъ и словаремъ.

Выпускъ II.

№ 1. 1892. Уставъ. Списокъ членовъ. Отчетъ за 1887—90 г. Списокъ журналовъ. Ѳ. А. Браунъ: Гипотеза проф. Будиловича о готскомъ происхожденіи названія „Русь".

№ 2. 1892. Е. В. Аничковъ: Микола Угодникъ и Св. Николай.

Выпускъ III.

№ 1. 1894. Списокъ членовъ. Списокъ журналовъ. Отчетъ за 1891—93 г. Baron David de Gunzburg: Du rhythme dans les vers.

№ 2. 1895. Д. К. Петровъ: Элегія Генриха Сеттимелло „О перемѣнчивости Фортуны и утѣшеніи философіи".

20673
5. 2 40.

ЗАПИСКИ
НЕОФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

при ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Выпускъ VII.

Изданъ подъ редакціей дѣйствительныхъ членовъ Общества
проф. Д. К. Петрова и прив. доц. К. Ѳ. Тіандера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ 1914.

Складъ изданія у А. Э. Винеке.
Книгоиздательство, Книжный Складъ и Типо-Литографія.
Екатерингофскій пр., 15.

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета
ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго Университета.

Деканъ: **Ѳ. БРАУНЪ.**

15 апрѣля 1914.

Типо-Литографія А. Э. Винекке, Екатерингофскій пр. № 15.

Отъ Редакціи.

Настоящій выпускъ содержитъ посвященныя поэзіи К. Д. Бальмонта статьи, изъ которыхъ большинство было прочитано на торжественномъ собраніи Неофилологическаго Общества, состоявшагося 11 марта 1912 г. по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія литературной дѣятельности Бальмонта. Протоколъ этого собранія, а также и списокъ привѣтствій печатается ниже на стр. 56—60.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Вступительная рѣчь предсѣдателя Общества **Ѳ. А. Брауна** 1
Ѳ. Д. Батюшковъ. Поэзія К. Д. Бальмонта . . . 6
К. Ѳ. Тіандеръ. Бальмонтъ—викингъ 21
Д. К. Петровъ. К. Д. Бальмонтъ и его переводы съ испанскаго 29
Е. В. Аничковъ. Бальмонтъ и „новыя вѣянія“ . . 36
Вячеславъ Ивановъ. О лиризмѣ Бальмонта . . . 45
Протоколъ Засѣданій Неофилологическаго Общества за 1911 годъ 55
Протоколы Засѣданій Неофилологическаго Общества за 1912 годъ . . . . . .
Протоколы Засѣданій Неофилологическаго Общества за 1913 годъ 67
Списокъ членовъ Неофилологическаго Общества. 79
Списокъ журналовъ, выписываемыхъ Неофилологическимъ Обществомъ 85

Вступительная рѣчь предсѣдателя Общества Ѳ. А. Браунъ.

Мы собрались сегодня, чтобы воздать дань уваженія и благодарности великому русскому поэту. Мы воспользовались для этого случайнымъ предлогомъ, тѣмъ именно, что въ этомъ году исполнилось первое 25-лѣтіе его служенія искусству.

Мнѣ говорили, что Константинъ Дмитріевичъ Бальмонтъ *самъ* въ свой юбилей *не* вѣритъ.

„Я златоцвѣтъ, который вѣчно молодъ“, поетъ онъ о себѣ. Очевидно, онъ органически не *можетъ* повѣрить въ свой юбилей.

Онъ въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть солнце! И онъ его увидалъ; оно озарило его душу и позолотило рождавшіяся въ ней грезы. Солнце горитъ въ его душѣ, солнце блещетъ въ его стихѣ. Развѣ сынъ солнца Бальмонтъ можетъ состариться?

Навязывать поэту юбилей, въ который онъ самъ не вѣритъ, было бы весьма неблагодарной задачей, еслибъ—еслибъ мы сами вѣрили въ него. Мы поневолѣ признаемъ языкъ цифръ,—вѣдь мы не поэты. Но вѣрить въ ихъ значеніе для Бальмонта—нѣтъ, не вѣримъ.

Юбилей, столь опасный для всякаго другого—потому что онъ всегда напоминаетъ о томъ, что годы бѣгутъ и бѣгутъ—для вѣчно юнаго Бальмонта онъ *не* опасенъ. И если мы вообще говоримъ о 25-лѣтіи, то только по-

тому, что вѣдь нуженъ-же намъ былъ въ самомъ дѣлѣ предлогъ, чтобы собраться всѣмъ и сказать Бальмонту— спасибо!

Но мы должны сказать ему спасибо не только какъ читатели и почитатели его стиховъ. За нимъ есть заслуги, которыя дали именно Неофилологическому Обществу право взять на себя инициативу сегодняшняго торжества.

Наше Общество ставитъ одной изъ своихъ главныхъ задачъ—научное выясненіе взаимоотношенія Россіи и западной Европы на почвѣ языка и литературы.

Оно не можетъ не цѣнить, не можетъ не привѣтствовать съ благодарностью работу поэтовъ — переводчиковъ, посредниковъ между Россіей и Западомъ, которые рядомъ съ нами служатъ той-же цѣли. А кто изъ современныхъ русскихъ поэтовъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи больше, чѣмъ Бальмонтъ, кто универсальнѣе, чѣмъ онъ, переводчикъ Шелли, Кальдерона и многихъ другихъ, первый, познакомившій русскихъ читателей съ геніемъ Кнута Гамсуна?

Двѣ изъ сегодняшнихъ нашихъ рѣчей будутъ посвящены именно этой сторонѣ дѣятельности Бальмонта.

Но не только съ этой стороны подходимъ мы къ Бальмонту. Онъ настолько крупная литературная фигура, что уже теперь вполнѣ ясно и отчетливо обозначается его положеніе въ *исторіи* поэзіи, не только русской, но и обще-европейской. И опредѣлить это положеніе входитъ въ прямыя задачи нашего Общества.

Бальмонтъ несомнѣнно одинъ изъ наиболѣе яркихъ нашихъ „модернистовъ“, если не самый яркій. Терминъ этотъ, правда, мало что обозначаетъ; подъ нимъ могутъ объединяться самыя разнообразныя, подчасъ взаимно противорѣчащія, направленія въ современной поэзіи.

Но модернизмъ Бальмонта и его товарищей имѣетъ свое историческое обоснованіе въ прошломъ, какъ и въ констелляціи современныхъ литературныхъ теченій.

Это — могучая идеалистическая волна, такая-же могучая и властная, какъ та, которая прошла по западно-европейской философіи отъ Канта черезъ Фихте и Шеллинга до Гегеля, а по западно-европейской поэзіи въ лицѣ первыхъ раннихъ романтиковъ въ лицѣ Тика и Вакенродера, братьевъ Шлегель и Новалиса.

Тамъ она явилась реакціей противъ пошлаго или опошлившагося раціонализма въ философіи, противъ слащаваго и пустого такъ называемаго натурализма въ поэзіи. Здѣсь—враги его, при иныхъ условіяхъ и въ иныхъ формахъ, но по существу тѣ же. И на высшей высотѣ этой волны, на ряду съ крупными именами западной литературы — Меттерлинка, Кнута Гамсуна и другихъ—нашъ Бальмонтъ.

Наша публика называла это направленіе чаще всего, слѣдуя фельетонному обиходу, *декадентствомъ*. Къ счастью, этотъ терминъ начинаетъ исчезать. Мы говоримъ иногда о символизмѣ или употребляемъ иныя, также мало-значащія слова.

Съ точки зрѣнія историко-литературной мы, конечно, можемъ и должны назвать его *нео-романтизмомъ*.

Это не есть простое повтореніе романтизма конца XVIII и начала XIX вѣка. Оно имѣетъ свои спеціальныя задачи, преслѣдуетъ свои особыя цѣли, поэтическія, философскія, если хотите соціальныя.

Но основныя тенденціи тѣ-же: то-же исканіе новыхъ путей, то-же стремленіе схватить и *высказать* жизнь въ ея цѣломъ, не съ внѣшней ея стороны, не со стороны безконечнаго разнообразія ея проявленій, а, *по существу*, изобразить то, что лежитъ за случайными частными явленіями и составляетъ ихъ сокровенную сущность, ихъ *душу*. Исканіе безконечнаго въ конечныхъ его проявленіяхъ, жажда абсолюта въ тискахъ пошлой житейской повседневности.

И еще одна очень существенная особенность объединяетъ оба періода всемірной литературы. Наше слово

бѣдно и безсильно для выраженія всего, что таится въ мысли и настроеніи поэта, не столько того, что болѣе или менѣе отчетливо складывается въ его сознаніи, сколько того, что подчасъ смутно и мучительно неясно, но властно говоритъ въ области *под*сознательнаго, къ голосу котораго мы давно привыкли прислушиваться.

Къ выраженію этого—слово по своему содержанію, т. е. по значенію своему непригодно. Но оно безконечно гибко и выразительно въ своей формѣ, въ своихъ *звукахъ*.

И вотъ романтики, какъ и наши нео-романтики, пытаются досказать музыкой словъ то, что не могло быть высказано чередованіемъ ихъ содержанія.

Въ этихъ параллеляхъ историческая почва, въ которой коренится и нашъ Бальмонтъ.

Историческая перспектива, въ которой онъ намъ представляется, не умаляетъ его абсолютнаго значенія. Напротивъ того, какъ рамка, въ которую мы вставляемъ обликъ любимаго лица, лишь увеличиваетъ его привлекательность, такъ и нашъ Бальмонтъ отъ этой исторической рамки только выигрываетъ въ рельефности. Онъ представится намъ закономѣрнымъ историческимъ фактомъ, необходимымъ звеномъ въ эволюціи міровой поэтической мысли, на томъ высокомъ мѣстѣ, которое онъ занялъ и которое сохранитъ.

Я говорю—*нашъ* Бальмонтъ, и съ грустью вспоминаю, что его нѣтъ среди насъ. Онъ такъ далекъ, что даже электрическая искра не донесетъ до него сегодня нашъ привѣтъ.

Я слышалъ, что онъ въ данный моментъ качается на волнахъ океана, на встрѣчу яркому солнцу. Онъ какъ разъ теперь огибаетъ южный берегъ Африки.

Но, несмотря на жуткую даль, онъ не пропалъ для насъ.

Мы, надѣюсь, всѣ помнимъ изъ географіи, что Африка кончается на югѣ мысомъ Доброй Надежды. Быть

можетъ, именно сегодня онъ видитъ его на горизонтѣ съ палубы своего парохода. Sit omen in nomine!

И на нашемъ горизонтѣ свѣтится добрая надежда, надежда на то, что мы его увидимъ, надежда на то, что еще много, много лѣтъ душа вѣчно юнаго поэта будетъ озаряться солнцемъ, которое онъ такъ страстно любитъ и которое такъ щедро воздало ему за любовь.

Ѳ. Браунъ.

Поэзія К. Д. Бальмонта.

Къ 25-лѣтію дѣятельности.

Въ счастливый часъ родился Бальмонтъ-поэтъ, настоящій поэтъ „Божьей милостью“, въ то время, когда поэзія, вообще, переживала тяжелый кризисъ. Этотъ кризисъ подготовлялся давно, быть-можетъ еще съ 60-хъ годовъ минувшаго вѣка, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ развитію поэзіи доктринъ—позитивизма, утилитарности, односторонне понятаго раціонализма и того реализма, который отожествлялъ дѣйствительность съ обыденностью и чуждался отвлеченныхъ реальностей мысли и чувства. Но въ прошломъ были и такіе элементы, изъ которыхъ новая поэзія должна была возродиться и на самомъ дѣлѣ возродилась. — Всѣ эти явленія принадлежатъ общеевропейской жизни и не составляютъ особенностей исторіи русскаго общества, но такъ какъ рѣчь идетъ о русскомъ поэтѣ, я напомню только достаточно убѣдительно обставленный діагнозъ, который уже въ концѣ 90-хъ годовъ ставилъ чуткій и внимательный критикъ новыхъ движеній въ искусствѣ, провозгласившій какъ разъ въ эту пору тезисъ о *вырожденіи риѳмы*.

„Считая отъ середины истекшаго столѣтія, писалъ С. А. Андреевскій [1]), внутренняя поэтичность стихо-

[1]) Литературные Очерки, 1902 г. Намъ уже приходилось цитировать г. Андреевскаго въ статьѣ—„Новые побѣги русской поэзіи“ (Міръ Божій“, 1904 г.), къ которой примыкаетъ настоящій очеркъ.

творныхъ произведеній обратно пропорціональна ихъ близости къ нашему времени, т. е. чѣмъ дальше стихотвореніе отъ нашихъ дней, тѣмъ больше шансовъ найти въ немъ истинную поэзію“. Правда, въ это же время—наступаетъ расцвѣтъ художественной прозы. Получился своеобразный „обмѣнъ веществъ“ между стихомъ и прозой, такъ что „какъ разъ въ то время, какъ Тургеневъ цѣлымъ рядомъ своихъ твореній довелъ прозу до поэзіи, — Некрасовъ, Розенгеймъ, Алмазовъ и другіе работали надъ тѣмъ, чтобы „опрозаить“ стихъ“.

Это стремленіе дѣйствительно было, и поэзіи въ стихотворной формѣ угрожала близкая смерть. Уже агонія начиналась характернымъ „вырожденіемъ риѳмы“, оскудѣніемъ метровъ, преобладаніемъ безнадежныхъ по своей банальности общихъ мѣстъ въ стихотвореніяхъ и утратой всѣхъ специфическихъ качествъ стихотворной рѣчи, какъ таковой,—музыкальности, ритмичности, сжатой образности индивидуально пережитыхъ формъ выраженія. Только „муки слова“ Надсона сулили близкую зарю. Но унылое нытье поэтовъ гнѣва и скорби въ 80-хъ годахъ представляло довольно безотрадную картину.

Бальмонтъ уже началъ писать въ ту пору,—съ конца 80-хъ годовъ. Сперва—едва замѣченный, неохотно признаваемый, онъ развернулъ свои дарованія какъ разъ въ тотъ моментъ, когда пророчили смерть поэзіи въ стихахъ. На тезисъ о „вырожденіи риѳмы“ онъ отвѣтилъ какъ бы невзначай—не только обиліемъ, а цѣлой оргіей риѳмъ, и конечныхъ, и внутреннихъ, скрещивающихся, пересѣкающихся, парныхъ, черезъ стихъ и т. д.; на замѣчаніе о томъ, что поэты „опрозаиваютъ“ стихъ, онъ выставилъ рядъ удивительныхъ именно по своей музыкальности, пѣвучести, непередаваемыхъ прозою стихотвореній; онъ возобновилъ и аллитерацію и довелъ до совершенства согласованіе звуковъ стиха съ его содержаніемъ; для него стихотворная рѣчь была вполнѣ

природнымъ языкомъ, такъ что однимъ фактомъ своего появленія онъ спасъ поэзію отъ гибели, которую ей пророчили, отъ угасанія, которое намѣчалось тревожными симптомами переживаемаго кризиса; Бальмонтъ придалъ ей новую силу и изумительный блескъ.

Чтобы совершить этотъ переворотъ, скажу даже — это чудо возрожденія, онъ долженъ былъ порвать съ непосредственными предшественниками и ближайшими традиціями, примкнуть къ новымъ, болѣе отдаленнымъ источникамъ, а главное—выявить свою индивидуальность въ ему одному присущихъ формахъ, и такъ онъ сталъ родоначальникомъ новой школы поэтовъ.

Генезисъ творчества Бальмонта не входитъ въ нашу задачу сейчасъ. Я сразу назвалъ ту, кажется, внѣспорную, болѣе или менѣе общепризнанную цѣнность его поэзіи съ формальной стороны, которая скептиками можетъ быть названа только виртуозностью въ стихосложеніи, но на самомъ дѣлѣ эта виртуозность была бы немыслима безъ внутреннихъ и по сущности вполнѣ поэтическихъ свойствъ и качествъ органической природы поэта. Такимъ поэтомъ нужно было родиться; выработать одну виртуозность невозможно. Съ формальной же стороны, одинъ изъ лучшихъ цѣнителей Бальмонта, покойный И. Ѳ. Анненскій, правильно замѣтилъ, что—„рѣдкій поэтъ такъ свободно и легко рѣшаетъ самыя сложныя ритмическія задачи и, избѣгая банальности, въ такой мѣрѣ чуждъ и искусственности, какъ именно Бальмонтъ. Его языкъ — это нашъ общій поэтическій языкъ, только получившій новую гибкость и музыкальность“ [1])... Подъ вопросомъ можно поставить только рядъ неологизмовъ, особенно въ отвлеченныхъ выраженіяхъ, и сложные составные эпитеты, не всегда обычные, но все же вполнѣ понятные во всемъ своеобразіи сочетаемыхъ словъ. Будущее покажетъ—кото-

[1]) Книга отраженій ч. II.

рые изъ неологизмовъ Бальмонта уцѣлѣютъ въ языкѣ, которые изъ нихъ отпадутъ, но ему приходилось бороться съ трудностями недостаточнаго лексическаго состава въ русскомъ языкѣ именно въ области „абстрактностей“, и во многихъ случаяхъ онъ выходилъ побѣдителемъ.

Бальмонтъ, когда того хотѣлъ, вполнѣ понятенъ; Бальмонтъ зачастую общедоступенъ, несмотря на всю изысканность его стиля; Бальмонтъ достигаетъ не разъ классической простоты и правильности языка и могъ бы стать поэтомъ для всѣхъ, если бы не раннее и умышленное его обособленіе въ особый толкъ, подъ нѣсколько кричащими лозунгами партійности символистовъ, декадентовъ, импрессьонистовъ — словомъ такъ называемаго „модернизма“ со всѣми его развѣтвленіями.

Партійность всегда нѣсколько отпугиваетъ непосвященныхъ въ жизнь партіи. Мало того, партійность, сектантство,—особенно въ проявленіяхъ чисто культурной дѣятельности, въ области, которая соприкасается съ вѣчностью и зиждется на началахъ истины, на общечеловѣческихъ свойствахъ, и должна объединять всѣхъ во имя чего-то высшаго и незыблемаго, — эта партійность кажется сама по себѣ какимъ-то ограниченіемъ истиннаго, субъективнымъ его воспріятіемъ и толкованіемъ; въ ней слишкомъ много временнаго, случайнаго, исключительнаго. Партіи создаются злободневными, преходящими интересами и условіями. Въ сектѣ могутъ заключаться элементы новой, не осознанной еще всѣми истины; но когда эта истина утвердится, она должна быть одна для всѣхъ, и отпадаютъ, какъ ненужные болѣе лѣса, всѣ специфическія отличія партійности и сектантства.

Въ поэзіи Бальмонта есть и это зерно вновь открытой, но устойчивой вѣчной истины; есть и то, что отпадаетъ, какъ вызванное временными условіями борьбы на занятой поэтомъ боевой позиціи. Но эта позиція

была необходима, потому что была неизбѣжна. Бальмонтъ былъ человѣкомъ партіи, поскольку нужно было вновь отвоевать самодовлѣющее значеніе поэзіи, ея автономность, какъ вполнѣ самостоятельной дѣятельности, поскольку нужно было освободить поэзію отъ тѣхъ вліяній, которыя постепенно приводили къ ея медленному, но неуклонному угасанію.

Поэзія—это мечта, это грезы сердца, это дѣятельность воображенія, которому нѣтъ и не должно быть границъ. Нужно было обособить поэзію отъ прикладныхъ, утилитарныхъ, житейскихъ задачъ, и Бальмонтъ сумѣлъ это сдѣлать, хотя, настаивая не безъ задора на ирреальности и аморальности искусства, — въ чемъ по сущности онъ былъ правъ,—онъ нагромоздилъ цѣлый рядъ отпугивающихъ и даже, въ изолированномъ видѣ, чудовищныхъ заявленій, въ родѣ тѣхъ жупеловъ, которые наводятъ страхъ на наивныя души. Все это лѣса для постройки. Наивностью было бы принимать въ буквальномъ смыслѣ всѣ тѣ признанія художника, которыми онъ утверждалъ лишь одно положеніе: искусство не вѣдаетъ ни добра, ни зла; оно воплощаетъ лишь различныя переживанія и состоянія; его объектомъ въ равной мѣрѣ можетъ быть и святой, и палачъ и „бѣлый ангелъ“, и демонъ искуситель, творецъ зла. Въ поэзіи Бальмонта есть и то, и другое [1]).

Родникъ поэзіи—въ сердцѣ, а не въ умѣ. Она—выявленіе сложныхъ инстинктовъ и по безотчетности своихъ влеченій ближе къ тому безразличію, которое наблюдается въ звѣряхъ, живущихъ только инстинктами, чѣмъ къ той разсудочности, которая ограничиваетъ и парализуетъ непроизвольность влеченій природы и суживаетъ свободный размахъ стихійной силы. Бальмонтъ умѣетъ слиться съ природой, какъ бы жить одной съ ней жизнью; онъ любуется красотой звѣринаго ин-

[1]) Ср. Мои пѣснопѣнья, Узелъ и др.

стинкта и слагаетъ восторженные гимны стихіямъ. И здѣсь поэтъ только отстаиваетъ родную стихію поэзію, ея ирраціональность, какъ раньше онъ отстаивалъ ирреальность и аморальность искусства [1]).

Бальмонтъ причислялъ себя къ символистамъ и былъ имъ дѣйствительно въ своей поэзіи. Но припомнимъ его же опредѣленіе символизма, ясное, мѣткое, простое и, къ сожалѣнію, лишь часто забываемое тѣми, которые пошли тою же стезею. Символизмъ, писалъ Бальмонтъ, — „это поэзія, въ которой органически, не насильственно, сливаются два содержанія: скрытая отвлеченность и очевидная красота [т. е. добавимъ реально-правдивое изображеніе], сливаются также легко и естественно, какъ въ лѣтнее утро воды рѣки гармонически слиты съ солнечнымъ свѣтомъ. Однако, несмотря на скрытый смыслъ того или другого символическаго произведенія, непосредственное конкретное его содержаніе всегда закончено само по себѣ, оно имѣетъ въ символической поэзіи самостоятельное существованіе, богатое оттѣнками“. Далѣе устанавливалось имъ отличіе символа отъ аллегоріи, характеризуемой какъ насильственное сочетаніе „двухъ смысловъ“, и дидактическими задачами, чуждыми области чистой поэзіи.

У Бальмонта—символизмъ естественный, природный, вытекающій изъ свойствъ его поэтической организаціи. Этотъ видъ поэзіи возродился въ новое время, но нужно ли напоминать, что самъ по себѣ онъ древенъ, какъ міръ, что онъ присущъ и народной поэзіи въ ея элементарныхъ зачаткахъ, что онъ сосуществовалъ съ проявленіями реальнаго искусства въ разныя эпохи, что безсмертную славу создалъ ему Данте въ средніе вѣка, и что къ нему же обратился Гете въ періодъ зрѣлости творчества и т. д. Символизмъ такъ же вѣченъ, какъ реализмъ, представляясь лишь особой формой

[1]) Ср. Слово Завѣта: О человѣкъ, спроси звѣрей и т. д.

поэтическаго мышленія и творческихъ переживаній Онъ зависитъ отъ свойствъ натуры поэта, но, конечно, поддерживается, становится преобладающимъ теченіемъ въ зависимости отъ разныхъ историческихъ условій, въ анализъ которыхъ мы теперь отнюдь не намѣрены вдаваться.

Бальмонтъ вышелъ побѣдителемъ въ начатой имъ „партійной“ борьбѣ: нынѣ не нужны болѣе тѣ жупелы, которые служили ему орудіемъ самозащиты, не нужны болѣе кричащія, вычурныя заглавія, и т. п.; онъ отвоевалъ себѣ мѣсто, которое уже не есть позиція сектанта, чурающагося общаго признанія, какъ бы не потерять часть дорогихъ ему откровеній: онъ „въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть солнце“ и съ торжествомъ провозглашаетъ въ другомъ стихотвореніи, обращаясь тоже къ солнцу:

Все люблю я въ тебѣ..—Ты во всемъ и всегда молодое,
Но сильнѣе всего то, что въ жизни горишь ты для всѣхъ.
(Только любовь, Гимнъ Солнцу, 5).

Такимъ образомъ, Бальмонтъ самъ вернулся къ положенію объ общей истинѣ—„для всѣхъ“, вмѣсто прежней исключительности — быть поэтомъ для немногихъ, для своего кружка.

Каково же въ общемъ содержаніе его поэзіи, безотносительно къ преимуществамъ формъ? Дѣйствительны или призрачны тѣ опасенія, которыя высказывались по поводу ея антисоціальнаго характера? Представляется ли она не только опасной, но даже пагубной по своему безразличію къ добру и злу, по „сатанинской“ окраскѣ и, какъ указывалось нѣкоторыми противниками поэта, по чрезмѣрной его самовлюбленности, культу откровеннаго эгоизма и, въ погонѣ за новыми ощущеніями, нездоровому любопытству къ пороку во всѣхъ его проявленіяхъ?

О, моралистамъ, конечно, найдется обильный матеріалъ для изобличенія въ стихотвореніяхъ Бальмонта.

Соціальный реформаторъ ополчится противъ многихъ и многихъ утвержденій стихійно-безразличнаго поэта. Но всѣхъ больше съежится въ своемъ футлярѣ добродѣтельный буржуа отъ этихъ дерзаній и смѣлыхъ вызововъ, которые бросаетъ поэтъ, откровенно обнажающій всѣ язвы своей души, и низменно-чувственныя влеченія, и стихійную страсть, и скептицизмъ къ устоямъ міра. Кумиръ поэта — свободный человѣкъ, не стыдящійся никакихъ проявленій своего я. Чтобы утвердить личность, нужно знать себя во всѣхъ излучинахъ души, во всѣхъ проявленіяхъ даже отрицательныхъ свойствъ. „У каждой души есть множество ликовъ,—писалъ Бальмонтъ, въ каждомъ человѣкѣ скрыто множество людей, и многіе изъ этихъ людей, образующихъ одного человѣка, должны быть безжалостно ввергнуты въ огонь. Нужно быть безпощаднымъ къ себѣ. Только тогда можно достичь чего-нибудь“. Бальмонтъ не принадлежитъ къ тѣмъ идейнымъ художникамъ, которые находили неизмѣнную опору въ выработанномъ или усвоенномъ разъ навсегда міросозерцаніи, и представляются не только художниками, но учителями жизни. Чему учитъ Бальмонтъ? Только одному: будьте искренни, будьте самимъ собой, и это правило не новое [1]). Новѣе требованіе—воспитайте себя въ духѣ полной свободы и не бойтесь сознанія всѣхъ вашихъ свойствъ. Въ одномъ стихотвореніи поэтъ заявляетъ о себѣ: „я стражъ міросознанія“. Было бы большой несправедливостью утверждать, что Бальмонтъ *проповѣдуетъ* безнравственность, эгоизмъ, разнузданность страстей и даже самыхъ антиобщественныхъ. Къ нему вполнѣ примѣнимъ стихъ, съ которымъ онъ же обращается къ одному изъ своихъ любимыхъ поэтовъ—Бодлеру:

Ты, павшій въ пропасти, но жаждавшій вершинъ.

Бальмонтъ именно „жаждетъ вершинъ“ и эта сто-

[1]) Чѣмъ хочешь будь: будь добрый, злой. — Но будь же четвень за игрой—Явись самимъ собой.

рона его творчества сообщаетъ особую серьезность его поэзіи, придаетъ ей положительный характеръ, какъ благой культурной силѣ. Онъ неустойчивъ, какъ все современное поколѣніе; онъ жаждетъ новизны и обновленія, но не только обновленія себя — весь міръ долженъ стать инымъ. Вспомните его „Опричниковъ“, заканчивающихся признаніемъ:

О, если міръ—божественная тайна,
Онъ каждый мигъ клевещетъ на себя.

Вспомнимъ другое стихотвореніе изъ цикла „Страна неволи“:

Міръ долженъ быть оправданъ весь,
Чтобъ можно было жить...
А между тѣмъ:
Едва въ лѣсу я сдѣлалъ шагъ,—
Раздавленъ муравей.
Я въ мірѣ всѣмъ невольный врагъ
Всей жизнію своей...

Мы встрѣчаемъ здѣсь характерный мотивъ „непріемлемости міра“ Ивана Карамазова, мотивъ, указывающій на стремленіе желать и жаждать лучшаго міра. Напоминать ли о цѣломъ циклѣ стихотвореній „Совѣсть“, „Память“ и т. д., указывающихъ на наличность сильно развитыхъ, чисто этическихъ, свойствъ. Какъ человѣкъ и въ своей поэзіи, Бальмонтъ далекъ отъ того аморализма, которое есть лишь аттрибутъ искусства, какъ отвлеченнаго понятія, и условіе творчества, но не принципъ жизненной дѣятельности. Бальмонтъ стремился къ „вершинамъ“:

Въ храмѣ сновъ безсмертныхъ дышетъ нѣжный свѣтъ,
Есть всему разгадка, есть на все отвѣтъ:
Не забудь же сердцемъ и сдержи свой вздохъ—
Ярко только Солнце, вѣченъ только Богъ.

Въ другомъ чудесномъ стихотвореніи изъ ранней поры: „О, только бы знать, что могу я молиться“ тотъ же основной мотивъ: „Только бы въ мысляхъ, въ желаніяхъ слиться — Съ тѣмъ чистымъ, къ чему я такъ жадно стремлюсь..... Только бы видѣть изъ бездны преступной, — Что тамъ надо мной въ высотѣ недоступной, — Горитъ и не меркнетъ звѣзда“. И въ раннемъ сборникѣ („Подъ сѣвернымъ небомъ“) и много лѣтъ позже поэтъ неизмѣнно благоговѣетъ передъ той высшей красотой, которая для него связана съ обликомъ Христа, пострадавшаго за міръ. И въ сборникѣ „Только любовь“ онъ указываетъ на величіе побѣды безъ противленія злу, на власть надъ другими, вытекающую изъ умѣнія владѣть собой:

Быть равнымъ съ низкими, неравными,
Предъ крикомъ—нѣжнымъ быть, какъ вздохъ,
Такъ правятъ силами державными,
Такъ межъ людей ты будешь Богъ.

Правда, въ противоположность этимъ порывамъ ввысь можно указать на рядъ другихъ стихотвореній съ совершенно иными мотивами. Поэтъ неоднократно заявляетъ о сложности своей натуры, о контрастахъ, которые въ ней заключены, и его міросозерцаніе двоится: онъ совмѣщаетъ въ себѣ и мракъ и свѣтъ, и день и ночь, и Бога и Дьявола, любовь и силу зла. Такъ что-жъ изъ этого? Не претерпѣвый—не спасется, и если поэтъ отдалъ обильную дань „влеченьямъ тьмы“, онъ тѣмъ не менѣе умѣетъ чувствовать высшія красоты того идеальнаго міра, куда зоветъ его мечта. Не по паденьямъ человѣка составляется о немъ безпристрастный судъ, а по тѣмъ высямъ, которыя онъ умѣлъ достичь, несмотря на свои паденія, а можетъ быть благодаря имъ. Это лучше, чѣмъ сѣрое прозябаніе безразличныхъ—ни теплыхъ, ни холодныхъ. Тѣмъ болѣе такой критерій примѣнимъ къ поэту, котораго воплощенія, и положительныя, и отрицательныя, въ большинствѣ—игра воображенія, плодъ сочувственнаго переживанія различныхъ состояній, умѣнье перевоплощать себя въ разные образы,—всѣ важные, всѣ равно

значительные передъ тайною искусства, потому что они были, они есть, они могутъ быть.

Неоднократно, величая себя „поэтомъ мимолетности“, измѣнчивымъ, какъ облака, плывущія по небу, Бальмонтъ въ то же время настаиваетъ на своей цѣльности и на значеніе цѣльности вообще:

Въ явленьи цѣльность быть должна.....
Я только цѣльному молюсь....
Вы раздѣляете, сливаете,
Не доходя до бытія,
Но никогда вы не узнаете,
Какъ безраздѣльно цѣленъ я.

Бальмонтъ правъ: онъ цѣленъ во всемъ разнообразіи своихъ проявленій, во всей противоположности своихъ влеченій, во всей пестротѣ своихъ думъ и настроеній. Именно потому, что въ немъ есть эта цѣльность, нельзя составлять о немъ сужденій на основаніи отдѣльно выхваченныхъ стиховъ и строфъ. Лишь въ совокупности разныхъ и порой противорѣчивыхъ мыслей, ощущеній и признаній обрисовывается настоящій обликъ поэта, который носитъ на себѣ такой яркій отпечатокъ современности, который самъ по себѣ, по своей индивидуальности, по смѣлымъ порывамъ произвести „переоцѣнку всѣхъ цѣнностей“, и по восторгамъ и по разочарованіямъ, по необычайной бодрости и яркому горѣнію, представляется героемъ нашего времени и въ положительныхъ его свойствахъ и въ шатаніяхъ неустойчивости нашего—какъ мы вѣримъ—къ чему-то иному, лучшему, переходнаго времени.

Бальмонтъ исключительно поэтъ лирикъ. Не создавъ въ объективныхъ образахъ типовъ и характеровъ современныхъ людей, онъ въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ далъ весь тотъ матеріалъ, который опредѣляетъ психологію цѣлаго поколѣнія. Окончательная оцѣнка его принадлежитъ будущему, но Бальмонтъ отвѣтилъ и тому стремленію къ эклектизму, которое

такъ характерно для нашего времени. Вся его дѣятельность, какъ переводчика и какъ автора путевыхъ картинъ, отвѣчаетъ запросу на расширенное существованіе новаго человѣка, желающаго знать, понять и впитать въ себя различные моменты международной и міровой жизни. Изумительна виртуозность Бальмонта-переводчика, который обогатилъ нашу литературу цѣлымъ рядомъ превосходныхъ переводовъ. Имъ—особая оцѣнка. Напомню только, что онъ одинъ изъ первыхъ знакомилъ насъ и со скандинавской поэзіей, и съ англичанами, отъ Уайльда и ретроспективно къ Шелли и Уильяму Блэку, американцами—Эдгаромъ По и Уитманомъ, и съ бельгійцами, и съ Испаніей на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ; его манили „зовы древности“, и онъ уходилъ въ глубь временъ, въ древній Египетъ, въ античность, въ библейскую поэзію, въ до-историческую Мексику, въ Индію и нынѣ поѣхалъ на родину и колыбель арійской мудрости. Быть можетъ онъ неровенъ въ качествѣ своихъ переводовъ и не всегда соединяетъ красоту формы съ точностью воспроизведенія; но онъ всегда проникается духомъ своихъ образцовъ и вѣрно выражаетъ то, что говорятъ душѣ современнаго человѣка произведенія минувшихъ эпохъ. По своей отзывчивости чужому онъ представляется съ нѣкоторымъ налетомъ космополитизма, или той „всечеловѣчности“, которую Достоевскій считалъ характернымъ свойствомъ русской націи; такой космополитизмъ отнюдь не идетъ въ разрѣзъ съ вполнѣ своимъ, народнымъ складомъ ума и законами родной рѣчи. Только Бальмонтъ хотѣлъ бы управлять ими, подчинить себѣ, видоизмѣняя и улучшая то, что кажется ему недостаточно совершеннымъ, недоразвитымъ, не вполнѣ очеловѣченнымъ въ болѣе общемъ смыслѣ.

Человѣческою его муза является вполнѣ и это несмотря на прорывающіеся потуги къ чему-то сверхчеловѣческому. Въ послѣднемъ есть элементъ позы, а

принятая или усвоенная поза не опредѣляетъ писателя. Позой звучитъ заявленіе: „я ненавижу человѣчество“, но коррективомъ къ нему является упоеніе искусствомъ и своего рода влюбленность въ природу, съ которой Бальмонтъ умѣетъ жить какъ бы общей жизнью, наконецъ, культъ человѣка—такимъ, какимъ онъ долженъ быть. Правда, въ посвященіи Лермонтову онъ хвалитъ его за то, что онъ—„*не*-человѣкомъ былъ“, что онъ обладалъ „презрѣніемъ могучимъ—къ бездушнымъ людямъ, къ мелкимъ ихъ страстямъ“,—къ „ничтожнымъ сердцамъ“. Но развѣ это составляетъ человѣчество: бездушіе, мелочность, ничтожество? Скорѣе, наоборотъ—человѣкъ, въ высокомъ значеніи слова, обладаетъ или долженъ обладать противоположными качествами, и такимъ образомъ, предположенное „человѣконенавистничество“ Бальмонта есть лишь парадоксальная форма для возвеличенія человѣка. Моралисты и общественники могутъ быть удовлетворены: Бальмонтъ не врагъ человѣчества. Онъ врагъ только лицемѣрія, мѣщанскаго прозябанія и ограниченности.

Въ одномъ стихотвореніи, опредѣляя пройденные имъ этапы развитія, поэтъ говоритъ, что въ дѣтскіе годы ему присущи были—кротость и глубина, въ юношескомъ возрастѣ—преслѣдовала его тоска, а въ періодъ зрѣлости,—когда онъ „сталъ страстнымъ, желаннымъ и властнымъ—Цѣлую я всѣхъ на пути“. Онъ полюбилъ друзей и недруговъ, братьевъ и враговъ. Міръ оказался теперь „пріемлемымъ“ во всемъ разнообразіи его проявленій:

Я вижу, волны міра многопѣнны,
Я здѣсь стою на звонкомъ берегу,
И кто бы ты ни былъ, Духъ, передъ кѣмъ мы плѣнны,
Привѣтъ мой всѣмъ, и брату, и врагу.

Онъ отмѣчаетъ различныя свойства ума у каждой народности, и въ ихъ разнообразіи, въ различіи индивидуальностей, открываются разныя стороны познанія

истины, которая можетъ быть и одной въ различномъ усвоеніи. Этотъ „плюрализмъ“ примиряетъ Бальмонта съ человѣчествомъ, цѣльнымъ въ своемъ многообразіи.

Поэтъ контрастовъ, но вѣдь свѣтъ и тѣни разлиты во всемъ мірѣ; поэтъ, величавшій себя „стихійнымъ геніемъ“, но постоянно мучимый вопросами сознанія и проблемами добра и зла; поэтъ мимолетности, но тоскующій о вѣчномъ; пѣвецъ звѣриной красоты, безпощадности и жестокости, умѣющій быть такимъ нѣжнымъ и трогательнымъ, слагая колыбельную пѣснь, прославляя нѣжность и умиляясь предъ чистотой невинныхъ грезъ („Возвращеніе“); поэтъ радостнаго ликованія и безнадежной тоски по недостижимому идеалу,—во всемъ разнообразіи проявленій своего мощнаго и красиваго дарованія Бальмонтъ неизмѣнно поэтъ, и это—величайшая его заслуга. Онъ можетъ гордиться тѣмъ, что спасъ намъ поэзію въ то время, когда она готова была куда-то улетѣть отъ насъ; онъ вправѣ сознавать свои заслуги передъ русскимъ стихомъ, которому вернулъ его пѣвучесть, которому придалъ новую гибкость и научилъ насъ новымъ ритмамъ и чудесному языку многозначительныхъ символовъ. Заслугъ этихъ больше, чѣмъ достаточно, чтобы упрочить историческое значеніе Бальмонта въ русской литературѣ и обезпечить ему устойчивую славу въ пантеонѣ нашихъ поэтовъ. Житейскихъ дрязгъ и суетныхъ заботъ онъ чуждъ, живя въ своемъ особомъ мірѣ золотой мечты, которую онъ далъ намъ вновь почувствовать. И—„рынку дань отдавъ, его борьбѣ и давкамъ, я снова чувствую всю близость къ божеству“. Логически-стройныхъ разсужденій отъ него не требуйте:

Я не знаю мудрости, годной для другихъ—
Только мимолетности я влагаю въ стихъ.

Въ каждой мимолетности вижу я міры,
Полные измѣнчивой, радужной игры.

Не кляните, мудрые. Что вамъ до меня?
Я вѣдь только облачко, полное огня.

Я вѣдь только облачко. Видите: плыву
И зову мечтателей... Васъ я не зову.

Но если бы не было этой радужной, манящей мечты, ласкающей нашъ слухъ и увлекающей волшебными снами въ міръ художественныхъ эмоцій, сочувственныхъ переживаній и восторговъ передъ красотой,— сгустились бы сумерки на землѣ, еще сѣрѣе и безрадостнѣй представилась бы жизнь. Хвала пѣвцу, давшему намъ возможность ощутить въ поэтическомъ сознаніи радость бытія:

А если день погасъ.
Я буду пѣть.... Я буду пѣть о солнцѣ
Въ предсмертный часъ.

Ѳ. Батюшковъ.

Бальмонтъ—викингъ.

Долгое время поэзія Бальмонта безусловно одобрялась лишь небольшимъ, сравнительно, кружкомъ модернистовъ. Другая группа, претендуя на безпристрастность или, по крайней мѣрѣ, широту взглядовъ, была готова признать Бальмонта великимъ поэтомъ путемъ болѣе или менѣе остроумныхъ перетолковываній и не безъ нѣкоторыхъ „хотя“. Но большинство читающей публики, относившейся къ Бальмонту враждебно-консервативно, признавало за нимъ, развѣ только въ области стихосложенія, нѣкоторыя заслуги. Причины этого строгаго сужденія о Бальмонтѣ кроются, конечно, не только въ умственной неподвижности воспринимающаго коллектива, но и въ особомъ складѣ творческой индивидуальности Бальмонта.

Начиная Радищевымъ и Фонвизинымъ русская литература поддерживала общественный прогрессъ, то забѣгая впередъ и освѣщая идеальныя цѣли, то раскрывая язвы настоящаго, то углубляя въ сознаніи обывателя достигнутыя жизненной борьбой права и преимущества. Такъ гражданскіе мотивы внѣдрились въ русскую поэзію и казались неразрывно съ ней связанными. Чѣмъ выше подымалась волна общественнаго напряженія, тѣмъ съ большей жадностью русскій читатель ловилъ каждый вопль, каждый призывъ своихъ поэтовъ. Но Бальмонтъ казался безъ всякаго интереса къ реальной жизни, безъ всякой мысли о необходимости общественной борьбы. Нужны были такіе политическіе вихри, какъ 1905—6 г.г., чтобы заставить Бальмонта выйти изъ своего состоянія эстетическаго самовнушенія и

разразиться стихотвореніями, напечатанными въ „Красномъ Знамени“. Но и въ этой вспышкѣ гражданскаго негодованія сказалось отсутствіе у Бальмонта принципіальной точки зрѣнія. Возмущеніе Бальмонта чуждалось партійной программы и поэтому явилось ударомъ по водѣ: всплеснули брызги, побѣжали волнистые круги... и замолкло.

Поэзія Бальмонта не обнаруживаетъ явной связи съ русской землей, поскольку земля вообще чуждая Бальмонту стихія. Его душа родственна—морю, вѣтру, огню. И опять Бальмонтъ въ этомъ отношеніи разочаровываетъ русскаго читателя, упоеннаго земельнымъ запахомъ своихъ лириковъ. Если Некрасовъ служитъ антиподомъ Бальмонту въ области гражданственности, то Кольцовъ не менѣе ярко оттѣняетъ отдаленность Бальмонта отъ русской народной пѣсни, и по мѣрѣ того, какъ Некрасовъ и Кольцовъ стали дѣйствительными кумирами ближайшихъ намъ поколѣній, такіе безпартійные и ненародные поэты, какъ Бальмонтъ, должны были натолкнуться на недоумѣніе и непріятіе. Правда, можно найти у Бальмонта русскіе сказочные мотивы, но эти исключенія только подтверждаютъ общее наблюденіе, подчеркивая ихъ экзотичность въ поэзіи Бальмонта.

Разъ стихи Бальмонта не примыкаютъ къ народной пѣснѣ, то естественно предположить, что они примыкаютъ къ лично-художественной лирикѣ. И въ этомъ отношеніи наша публика обрѣла себѣ любимцевъ въ лицѣ Фета, Апухтина, Надсона и др. Но за отдѣльными исключеніями, вполнѣ возможными у любого поэта, нельзя пристегнуть Бальмонта и къ этой плеядѣ. Его стихъ, его пріемы, его образы, его эпитеты, словомъ, его поэтическій стиль какимъ-то смѣлымъ скачкомъ удалился отъ сосѣдства уже признанныхъ лириковъ. Да и содержаніе поэзіи Бальмонта совершенно иное, чѣмъ то, о чемъ грезили и пѣли они. Крайній

индивидуализмъ Бальмонта, доходящій до безразсуднаго самовосхваленія и до анти-гуманнаго сатанинства, не находитъ себѣ никакого соотвѣтствія у предшественниковъ. Конечно, и лирическіе мотивы подвержены постоянному развитію и расширенію, но Бальмонтъ поражаетъ той рѣзкостью, съ которой порываетъ и традицію формы и цѣпь мотивовъ одновременно. Опять обстоятельство, ставившее читателя въ тупикъ.

Отмѣченныя три особенности Бальмонта—чуждость его свойственной русской поэзіи идейности, отсутствіе въ его стихахъ народной стихіи, избѣганіе имъ всякой конвенціонности—доказываютъ, что на Бальмонта прямо ничтожное вліяніе имѣла среда, являвшаяся носительницей указанныхъ традицій. Этотъ анти-общественный инстинктъ Бальмонта, направленный главнымъ образомъ противъ среды данной поры, жалкой, сѣрой, пошлой,—прекрасно сочетается съ первобытностью его мотивовъ. Что можетъ быть элементарнѣе человѣка, пришедшаго въ этотъ міръ, чтобъ „видѣть солнце“? восторгающагося „запахомъ солнца“ съ тонкостью обоняния, уже давно утраченнаго обычными людьми?

Солнце пахнетъ травами,
Свѣжими купавами,
Пробужденною весной
И смолистою сосной.

(*Горящія зданія, стр. 125*).

Такъ ощущаетъ природу человѣкъ первобытный, не притупившій еще свои чувства острыми раздраженіями культуры и дорожащій ими какъ необходимымъ средствомъ въ борьбѣ за существованіе. Когда я читаю „Гимнъ огню“ Бальмонта, передъ моимъ воображеніемъ встаетъ язычникъ, предавшійся молитвенной пляскѣ вокругъ жертвенника и взывающій:

Огонь очистительный,
Огонь роковой,
Красивый, властительный,
Блестящій, живой!

(*Будемъ какъ солнце, стр. 8*).

Ввиду примитивности Бальмонта, заставившей его прислушиваться къ „Зовамъ древности“, позволительно поставить вопросъ, не замѣнила ли у Бальмонта вліяніе среды, которой онъ остался болѣе или менѣе чуждъ,— родовая память, отвлекшая его въ сторону отъ торнаго пути русскихъ поэтовъ? Не задуматься ли намъ надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что предки Бальмонта по отцовской линіи были выходцами изъ Скандинавіи? Я не буду говорить о томъ, что самъ Бальмонтъ говоритъ по-шведски, что дѣдъ его былъ морскимъ офицеромъ и т. п., меня занимаетъ возвратная наслѣдственность, наложившая свою печать на душевный складъ Бальмонта. Развѣ этотъ духовный атавизмъ не сказывается у другого потомка викинговъ—нормандца Гюи де Мопассана, оставшагося, несмотря на лоскъ парижанина, деревенскимъ парнемъ — *un gars normand*, разъѣзжавшаго по Средиземному морю въ своей яхтѣ *Bel-Ami* и посвятившаго свои лучшія страницы морю? Любопытно, что и Мопассанъ отличается примитивностью, отмѣченной нами у Бальмонта, въ своемъ чувствѣ къ природѣ. „Я люблю, писалъ онъ, небо подобно птицѣ, лѣса подобно рыскающему волку, скалы подобно сернѣ, траву, чтобы валяться и бѣгать по ней подобно лошади, и прозрачную воду, чтобы плавать въ ней подобно рыбѣ. Чувствую въ себѣ трепетанье чего-то родственнаго со всѣми животными, всѣми инстинктами, всѣми неясными желаніями низшихъ тварей“. *) Въ сущности то-же самое сказалъ про себя Бальмонтъ въ стихахъ:

О да, я Избранный, я Мудрый, Просвѣщенный,
Сынъ солнца, я—поэтъ, сынъ разума, я—царь,
Но предки за спиной, и духъ мой искаженный—
Татуированный своимъ отцомъ дикарь.

(*Горящія зданія, стр. 87*).

*) Сл. статью Георга Брандеса о Гюи де Мопассанѣ въ Revue Scandinave 1911 г.

Чѣмъ же отличались эти предки и какіе ихъ черты могли отразиться въ родовой памяти Бальмонта?

Викинги были прежде всего неутомимыми путешественниками. А страсть къ путешествіямъ преслѣдуетъ Мопассана даже въ лечебницѣ душевно-больныхъ и не даетъ покоя его гаснущему разуму. Бальмонтъ же путешествовалъ больше, чѣмъ всѣ русскіе писатели вмѣстѣ взятые. Исколесивъ всю Европу, онъ отправляется въ Египетъ, Мексику и Индію. Подобно какому-нибудь Фричьофу Бальмонтъ апострофируетъ вѣтеръ:

Вѣтеръ вѣчный мой братъ,
Вѣтеръ горъ и морей...

(*Будемъ какъ солнце, стр. 44*).

Любимая его птица альбатросъ. Конечно, не онъ ввелъ ее въ литературу. Ее воспѣлъ уже Бодлеръ. Но есть подробности, которыхъ не придумаешь и которыя также являются результатомъ какихъ-то проникновенныхъ переживаній. Таково описаніе альбатроса у Бальмонта:

Ударомъ свирѣпаго клюва онъ рыбу швырнетъ въ пустоту
И быстрымъ комкомъ промелькнувши, изловитъ ее на лету.

(*Горящія зданія, стр. 11*; *ср. также стр. 189*).

Такъ наблюдаетъ только рыбакъ или морякъ или—потомокъ народа-мореправателя.

Викинги не только любили разъѣзжать и открывать новыя земли, но жадно воспринимали и иноземную культуру и любовно прислушивались къ поэтическому творчеству другихъ народовъ. Христіанскія и античныя легенды усваивались язычниками и претворялись въ образахъ скандинавской миѳологіи. Сказанія о Нибелунгахъ и Дитрихѣ Бернскомъ, поэмы каролингскаго и бретонскаго цикловъ нашли себѣ гостепріимный пріютъ на сѣверѣ. Тутъ замѣчательна не только легкость усвоенія, но и универсальность интереса. Также и Баль-

монтъ въ своей переводческой дѣятельности не знаетъ предвзятыхъ цѣлей и преградъ: отъ сѣвера онъ обращается къ югу, отъ мятежнаго Шелли къ католику-царедворцу Кальдерону. Всегда при этомъ имъ руководитъ не бѣглое любопытство — отвѣдать новаго и уйти, но серьезное желаніе пріобщить чужое къ сокровищницѣ родной поэзіи. Бальмонтъ возбудилъ въ Россіи и увлеченіе Кнутомъ Гамсуномъ, снабдивъ переводъ „Пана“ (1901) восторженнымъ предисловіемъ.

Стиль Бальмонта напоминаетъ во многомъ поэзію викинговъ. Характерна первобытность ихъ переживаній въ сочетаніи съ любовью къ замысловатому словесному творчеству. Аллитерація переплеталась по опредѣленнымъ правиламъ, стихосложеніе подчинялось тонкому различенію долгихъ и краткихъ слоговъ. Описательныя выраженія достигали невѣроятной причудливости, такъ, напримѣръ, князь назывался „древомъ золота“, грудь—„кораблемъ смѣха“, и море—„землей рыбъ“. Бальмонтъ воспѣваетъ отвлеченныя понятія въ родѣ Безбрежности, Мимолетности, Тишины, Красоты, но и вся скандинавская миѳологія испещрена такими олицетвореніями, напримѣръ, Магни (т. е. Сила) и Моди (т. е. Отвага)—сыновья Тора, Сага (т. е. Преданіе)—жена Одина, Гугинъ (т. е. Умъ) и Мунинъ (т. е. Память)—вороны Одина.

Викингъ, проявляющій такую жажду къ чуждой ему цивилизаціи и такую склонность къ игрѣ словами и мыслями, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ грозой всѣхъ культурныхъ государствъ. Онъ плылъ вверхъ по Рейну, Темзѣ и Сенѣ и не задумывался опустошить Кельнъ, Лондонъ и Парижъ. Мелкіе города, попадавшіеся ему на пути, предавались грабежу и пламени. Вотъ нѣсколько сухихъ, но краснорѣчивыхъ записей эпохи викинговъ:

Весною 851 г. викинги съ громаднымъ флотомъ поднялись вверхъ по Эльбѣ; начинается жестокая война съ саксами, одни города подвергаются осадѣ, другіе сжигаются. Потомъ они обращаются къ Рейнскимъ областямъ и Фландріи; Гентъ былъ

истребленъ пламенемъ, а Бавосскій монастырь на долгое время былъ превращенъ въ развалины.

Подъ 852 г. находимъ такую запись: „Населеніе береговъ Сены говоритъ, что на людской памяти не видано было такихъ опустошеній... Вандрвильскій монастырь былъ сравненъ съ землею... На маленькихъ островкахъ Сены блестѣли бѣлыя кости отъ убитыхъ плѣнниковъ—христіанъ“.

Проходитъ тысячелѣтіе и потомокъ викинга восклицаетъ:

Мой разумъ чувствуетъ, что мнѣ при видѣ крови,
Весь міръ откроется и все въ немъ будетъ вновѣ.
Смѣются люди мнѣ, пронзенные мечемъ,—
Ты слышешь предокъ мой. Я буду палачемъ.
(*Горящія зданія, стр. 16*).

Его фантазія наполнена „горящими зданіями“. О, онъ понимаетъ Нерона, сжегшаго Римъ, и любитъ альбатроса „за безстыдство пиратскихъ порывовъ“. Въ ужасающей неприкрашенности психологія викинга раскрылась въ стихахъ Бальмонта:

Если я въ мечтѣ поджегъ—города,
Пламя зарева со мной—навсегда.
О мой братъ! Поэтъ и царь—сжегшій Римъ!
Мы сжигаемъ, какъ и ты,—и горимъ!
(*Горящія зданія, стр. 26*).

„Жаркимъ сердцемъ“ викингъ-Бальмонтъ хочетъ:

Мѣди, золота, бальзама, брилліантовъ и рубиновъ
Крови брызнувшей изъ груды побѣжденныхъ
властелиновъ...
(*Тамъ-же стр. 13*).

И еще много можно было бы привести примѣровъ, гдѣ Бальмонтъ благозвучными стихами выражаетъ жестокость, алчность и задоръ викинговъ.

Таковы тѣ черты въ поэзіи Бальмонта, которыя могутъ быть объяснены родовой его памятью, подготовившей почву для воспріятія и особенно яркаго пре-

творенія тѣхъ, а не иныхъ, современныхъ ему вѣяній. Родовая память виновна въ томъ, что Бальмонтъ такъ непохожъ на другихъ русскихъ поэтовъ. И это хорошо! Вѣдь Бальмонтъ обогатилъ русскую поэзію новыми формами, новыми мотивами, новыми настроеніями. Впервые Бальмонтъ явилъ въ ней лицезрѣніе поэта-викинга.

Копенгагенъ,
іюль 1912 г.

К. Тіандеръ.

К. Д. Бальмонтъ и его переводы съ испанскаго.

Испанская жизнь и поэзія въ Россіи съ давнихъ поръ имѣли цѣнителей и поклонниковъ. Уже у Екатерины II есть любопытный драматическій отрывокъ: „Чуланъ“, являющійся вольнымъ переложеніемъ комедіи Кальдерона „El escondido y la tapada“. На испанскихъ темахъ останавливали свое вниманіе и великіе русскіе поэты—Пушкинъ, Лермонтовъ и другіе. Но, конечно, все „испанское“, что имѣется въ русской литературѣ, скорѣе мечта объ Испаніи, творческія фантазіи о далекой таинственной странѣ, чѣмъ дѣйствительное знаніе испанскихъ людей и дѣлъ. Группа друзей Испаніи, лицъ, научно вооруженныхъ для сужденія о ней, скажемъ проще—знатоковъ—въ Россіи всегда была невелика. Русскіе испанисты — переводчики, ученые комментаторы—извѣстны на перечетъ... В. П. Боткинъ, С. А. Юрьевъ, еще два-три человѣка — и списокъ испанистовъ исчерпанъ. По правдѣ сказать, изъ испанской литературы прилично мы знаемъ только „Донъ-Кихота“, да и то, по преимуществу, въ толкованіи И. С. Тургенева—красивомъ, но не вѣрномъ.

Почти же всѣ прочія сокровища испанской литературы остаются внѣ круга нашихъ интересовъ. Только въ самое послѣднее время въ Россіи, какъ будто, наблюдается нѣкоторое оживленіе испанскихъ штудій.

Въ дѣлѣ этого оживленія заслуга К. Д. Бальмонта безспорна. Онъ можетъ быть названъ талантливымъ посредникомъ между Испаніей и Россіей. И при томъ К. Д. Бальмонтъ—не первый встрѣчный, не мечтатель объ Испаніи, а, во многихъ отношеніяхъ, серьезный „знатокъ“.

Въ своей переводческой дѣятельности испаниста К. Д. Бальмонтъ обратилъ вниманіе почти исключительно на драму. Здѣсь сказался вѣрный взглядъ на сущность испанской поэзіи XVII-го столѣтія. Если не считать „Донъ-Кихота“, который есть unicum своего рода, произведеніе, стоящее особо въ міровой литературѣ, то, конечно, самое цѣнное и наиболѣе характерное, созданное испанцами въ XVII столѣтіи, есть драма. Она полна и замѣчательныхъ художественныхъ достоинствъ, интересна, какъ зеркало, въ которомъ отразилась своеобразная, давно замолкнувшая жизнь, наконецъ, испанская драма, наряду съ греческой и англійской, является оригинальной, глубоко-продуманной системой поэтическаго творчества, самостоятельнымъ драматическимъ жанромъ. И К. Д. Бальмонтъ подошелъ къ этому великолѣпному испанскому пантеону съ должной подготовкой, принялся за трудную работу переводчика старинныхъ драмъ съ серьезнымъ знаніемъ испанскаго языка, углублялся въ изученіе и литературы предмета. Онъ ознакомился не только со стариками, ветеранами испанскихъ дѣлъ, въ родѣ знаменитаго Шака, но внимательно пересмотрѣлъ и всѣ прочія спеціальныя изслѣдованія, не забывая и такихъ dii minores, какъ L. Rouanet, Funes и другихъ! Результатомъ этихъ штудій, которыя начались у К. Д. Бальмонта еще въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, явились „Сочиненія Кальдерона“, изданныя въ двухъ томахъ въ Москвѣ въ 1900—1902 г.г.

Первоначально К. Д. Бальмонтъ задумывалъ выполнить очень широкое предпріятіе. Должно было составиться нѣсколько томовъ, въ которые вошли бы переводы драмъ не только Кальдерона, но и Лопе де Вега, Тирсо де Молина, Мира де Амескуа, Гильенъ де Кастро и Люиса Бельмонтэ. Этотъ первоначальный планъ К. Д. Бальмонта не былъ однако доведенъ имъ до конца: интересы русскаго поэта постепенно обратились въ другую сторону. Не смотря на эту недовершенность работы, мы все же имѣемъ переводъ 5 драмъ Кальдерона: Чистилище Святого Патрика, Жизнь есть сонъ, Поклоненіе Кресту, Стойкій принцъ и Любовь послѣ смерти. Переводамъ предпослана обширная статья о поэзіи Кальдерона, и, кромѣ того, есть вступительныя замѣчанія къ каждой отдѣльной пьесѣ, частью лично принадлежащія К. Д. Бальмонту, частью—переводныя. Въ статьѣ и въ замѣчаніяхъ К. Д. Бальмонтъ *не* далъ исчерпывающей картины поэзіи Кальдерона и вообще не растолковалъ во всей подробности смыслъ и силу испанской культуры XVII-го столѣтія. Но такой завершительной работы нельзя и требовать отъ переводчика, да, и помимо того, испанскія дѣла XVII-го столѣтія не принадлежатъ къ числу предметовъ общеизвѣстныхъ, о которыхъ возможно подводить итоги. Тѣмъ не менѣе, К. Д. Бальмонтъ очень многое въ изучаемой области подмѣтилъ и истолковалъ совершенно правильно. Какъ на существенный пробѣлъ въ изображеніи испанской старины у К. Д. Бальмонта, укажемъ на то, что онъ не вполнѣ понялъ „принципъ чести“, этотъ основной пунктъ катехизиса испанцевъ въ тѣ времена, принципъ всеобъемлющій, принципъ, на которомъ основывается и общечеловѣческая цѣнность тогдашней поэзіи и культуры. У К. Д. Бальмонта же рѣчь, главнымъ образомъ, идетъ о кровавой мести за нанесенныя оскорбленія, а въ тѣни остается та честь, которая, по исповѣданію одного, кальдероновскаго же, героя —

Es patrimonio del alma
У el alma sólo es de Dios.

Но если съ труднѣйшимъ вопросомъ объ „испанской чести“ К. Д. Бальмонтъ и не справился вполнѣ удачно, то онъ сумѣлъ, по должному, оцѣнить глубокую религіозность старой Испаніи, самобытность ея культуры, національное самосознаніе испанцевъ, соединенное съ искренней терпимостью, искусно подчеркнулъ „мотивъ покаянія“, столь популярный въ испанскомъ театрѣ той эпохи и имѣющій такія поразительныя соотвѣтствія въ русской литературѣ. Наконецъ, въ его статьяхъ найдутся дѣльныя замѣчанія и о различныхъ второстепенныхъ моментахъ переведенныхъ драмъ.

Что касается самихъ переводовъ К. Д. Бальмонта, то, конечно, не читая изъ нихъ отрывковъ, не сравнивая ихъ съ подлинникомъ, характеризовать ихъ почти не возможно. Красота и изящество стиховъ К. Д. Бальмонта хорошо извѣстны всѣмъ присутствующимъ. Эти свойства К. Д. Бальмонту, въ значительной степени, удалось сохранить и въ переводахъ. Всякому переводчику испанскихъ драматическихъ произведеній наибольшую трудность представляетъ сама ихъ метрика. Переводчику приходится бороться и съ необычайнымъ разнообразіемъ стихотворныхъ метровъ подлинника, и съ прочно установленной традиціей русской литературы о первенствующемъ значеніи пятистопнаго ямба въ драматической поэзіи. Испанскія quintillas, redondillas, романсы, сонеты и октавы — не говоримъ уже о болѣе сложныхъ метрическихъ комбинаціяхъ — кажутся намъ неумѣстными въ возвышенной поэзіи театра, какой-то ненужной игрой и шумихой, не укладываются въ спокойные, величественные ямбы „Бориса Годунова“. Прежніе переводчики испанскихъ драмъ, все равно — Кальдерона или другихъ поэтовъ, такъ и не рѣшались разорвать съ русской традиціей. Напр. С. А. Юрьевъ переводилъ Лопе де Вега — и переводилъ все же очень хорошо — пятистопнымъ ямбомъ — получался не Лопе, а Шекспиръ. Правда, между этими писателями очень

много сходства, но переводы Лопе à la Shakespeare безъ нужды сглаживали и несомнѣнныя различія. Въ своемъ первомъ переводѣ—Чистилище святого Патрика— и К. Д. Бальмонтъ слѣдовалъ по проложенной дорогѣ, переводилъ Кальдерона пятистопнымъ ямбомъ, уподоблялъ Испанца Шекспиру. Но понятно, что такому превосходному стихотворцу, каковъ К. Д. Бальмонтъ, не трудно было понять несоотвѣтствіе метрикъ подлинника и перевода и, понявъ это, исправить ошибку. Надо было попробовать перевести Кальдерона размѣрами, близкими къ подлиннику, и не слишкомъ далекими отъ русскихъ литературныхъ навыковъ. Мы думаемъ, что К. Д. Бальмонтъ блестяще разрѣшилъ эту нелегкую задачу. Онъ не пошелъ въ слѣдъ за нѣмецкими переводчиками Кальдерона, изъ которыхъ иные прибѣгали къ четырехстопному хорею, размѣру, не вполнѣ подходящему для драмы и, въ большомъ количествѣ—однообразному и негибкому. К. Д. Бальмонтъ — и мы думаемъ, совершенно правильно — остановился на четырехстопномъ ямбѣ, размѣрѣ, чрезвычайно любимомъ у насъ, довольно близкомъ къ испанскому стиху и, вдобавокъ, освященномъ пушкинской „Сценой изъ Фауста“. Кромѣ того К. Д. Бальмонтъ очень часто сохраняетъ и риѳмованность испанскаго стиха, а порою и наиболѣе вычурные размѣры подлинника, наприм. сонеты. Благодаря всему этому, получился Кальдеронъ, если и не вполнѣ подобный испанцу, то все же безконечно болѣе близкій къ нему, чѣмъ Юрьевскій Лопе къ настоящему автору „Fuente Ovejuna“. Въ этой метрической близости мы и полагаемъ главное достоинство переводовъ К. Д. Бальмонта.

Гораздо легче было удержать въ переводѣ идейное и эмоціональное содержаніе подлинника. Не мудрено поэтому, что и здѣсь К. Д. Бальмонтъ вполнѣ удовлетворительно рѣшилъ свою задачу. Можно сказать, что у К. Д. Бальмонта дается почти подстрочный переводъ.

Иногда такая близость воспроизведенія даже въ ущербъ для русскаго языка. Поэтому у К. Д. Бальмонта попадаются и темныя мѣста, что̀ и понятно! Вѣдь буквальный переводъ не всегда есть переводъ точный . . . . . Но гораздо чаще мы читаемъ цѣлыя страницы, въ которыхъ соединились и точность, и изящество перевода. Не сто̀итъ указывать отдѣльныя мѣста: мы никогда не кончили бы ихъ перечисленія. Однако, въ видѣ примѣра, укажемъ, хотя бы, заключительный монологъ II акта „Жизнь есть Сонъ“, въ которомъ герой піесы Сигизмундъ произноситъ приговоръ надъ величіемъ и ничтожествомъ жизни, или изъ „Стойкаго Принца“ — прощальныя слова донъ-Фернандо (III актъ, сц. 8-ая), и очень многое другое. Какъ превосходно звучитъ сонетъ изъ „Стойкаго Принца“, вложенный въ уста того же донъ-Фернандо!

Съ веселостью, и пышной, и безпечной,
Цвѣты проснулись утренней зарей.
Настала ночь, и вотъ, съ холодной мглой
Ихъ сонъ объялъ непробудимо-вѣчный.

Въ нихъ съ золотомъ и съ бѣлизною млечной
Играла алость радужной игрой.
И тускло все. Вотъ ликъ судьбы людской.
Такъ много день уноситъ быстротечный.

Съ разсвѣтомъ раннимъ розы разцвѣли,
И умерли: въ одной и той же чашѣ
И колыбель, и гробъ себѣ нашли.

Такъ точно мы, рожденные въ пыли,
Въ единый день свершаемъ судьбы наши:
Столѣтья — часъ, когда они прошли. *)

И вообще образцово переведена вся драма La devocion de la Cruz... По нашему мнѣнію, это—самый

*) Сочиненія Кальдерона, т. II, стр. 488—489. Всѣ указанные отрывки были прочитаны на торжественномъ собраніи артистомъ Имп. Театровъ Н. Н. Ходотовымъ.

лучшій переводъ К. Д. Бальмонта съ испанскаго. Въ переводѣ драма захватываетъ почти такъ же, какъ въ подлинникѣ. Быстро проносятся передъ нами старая Испанія съ ея искренней, то продуманной, то наивной вѣрой, страстная любовь Хуліи, не знающая удержу, сцены смерти и убійства, и надо всѣмъ — вѣчный символъ Креста, который спасаетъ человѣчество! —

О крестъ божественный, отнынѣ,
Передъ тобою преклонясь,
Даю торжественный обѣтъ,
Что я безъ всякихъ оговорокъ
Вездѣ, гдѣ я тебя увижу,
Прочту, въ мольбѣ, Ave Maria,
Упавши на земь предъ тобой! *)

Одинъ этотъ переводъ обезпечиваетъ прочную славу К. Д. Бальмонта среди русскихъ переводчиковъ.

Д. К. Петровъ.

*) Сочиненія Кальдерона, т. II, стр. 317.

Бальмонтъ и „новыя вѣянія“.

Неужели двадцать пять лѣтъ? Не вѣрится. Странно подумать, что Бальмонтъ—этотъ поэтъ „новыхъ вѣяній“, до сихъ поръ для кого-то все еще новыхъ, все еще неразгаданныхъ, теперь празднуетъ свои четверть вѣка. Невольно хочется чуть ли не остановить чествованіе, закричать: вы ошибаетесь! Посмотрите, Бальмонтъ, котораго вы хотите возвести въ патріархи,—совсѣмъ молодой. Вѣдь еще такъ недавно, прошло всего пять лѣтъ, въ предисловіи къ своей „Литургіи Красоты“ онъ говорилъ:

Я не устану быть живымъ.

(Соч. V, 5).

Вся поэзія Бальмонта—ранняя и недавняя греза совсѣмъ молодого поэта. Только совсѣмъ молодой, именно молодой, а не полный силъ поэтъ, можетъ объявить о себѣ, какъ это сдѣлалъ Бальмонтъ въ автобіографіи, написанной для „Книги о русскихъ поэтахъ послѣдняго десятилѣтія“, что талантъ его развивается все дальше. „Говорятъ будто лучшая моя книга „Будемъ какъ солнце“,—пишетъ Бальмонтъ.—Это вздоръ. По существу своему, я въ безпрерывномъ движеніи, которое не видно лишь слѣпымъ разсудочникамъ“. Сколько непоколебимой надежды въ этихъ словахъ! Словно заклинаетъ себя Бальмонтъ, чтобы наступилъ, наконецъ,

зрѣлый возрастъ, этими своими собственными словами изъ „Заговора отъ погасшихъ“:

Я—вёсны люлю,
Я то люблю,
Что юно и красиво.

Молодость души сказывается въ двухъ вещахъ. Два свѣтильника освѣщаютъ истинно-молодую душу.

Молодому человѣку всегда кажется, что вотъ сейчасъ, если только онъ захочетъ, онъ станетъ совершенно инымъ. Онъ еще не знаетъ своихъ привычекъ и особенностей своей души, часто онъ даже не знаетъ своихъ настоящихъ вкусовъ, не разбирается въ своемъ призваніи. Его „завтра“, представляется ему совершенно независимымъ отъ его „вчера“. „Мгновенія всегда единственны“ — думаетъ всякій истинно молодой человѣкъ. „Прощай мое Вчера. Скорѣе къ неизвѣстному Завтра“ — проповѣдуетъ легкомысленная молодость. Оттого онъ не жалѣетъ прошлаго ни въ прямомъ, ни въ переносномъ смыслѣ. Оттого она непремѣнно въ будущемъ. Она вѣчно ждетъ. Истинно молодой человѣкъ, даже если онъ читаетъ все однѣ и тѣ же книги, зубритъ все по однимъ и тѣмъ же учебникамъ, а вѣритъ, какъ въ Евангеліи, въ прогрессивныя программы—максимумъ или минимумъ, смотря по темпераменту,—вчерашняго дня, съ горделивой увѣренностью скажетъ про себя:

Я преданъ перемѣнчивымъ мечтаньямъ
Подвижнымъ, какъ текучая вода.

(Соч. II, 95, „Разлука“).

Нельзя больше обидѣть молодого человѣка, какъ услышавши отъ него въ десятый разъ одно и то же, сказать ему: вы повторяетесь. Священное право молодости не замѣчать еще повторности и все, что случается съ нимъ, неизмѣнно чувствовать совершенно такъ же живо, какъ и въ первый разъ. Такова первая черта молодости.

Вторая—оптимизмъ и стремительность. То и другое тѣсно связаны.

Въ мигъ одинъ свершится диво
И свободно и красиво
Засіяетъ лугъ и нива—
Захоти,
(Соч. VIII, 25 изъ Зеленаго Вертограда).

думаютъ молодые люди, и эта стремительность самый восторженный, самый настоящій оптимизмъ, гораздо большій, чѣмъ пахнущее затхлой старостью заявленіе: что все на свѣтѣ прекрасно, потому что изъ него логическій выводъ: все должно оставаться по старому. А когда въ сердцѣ кипитъ негодованіе, когда хочется воскликнуть:

О, если міръ—божественная тайна,
Онъ каждый мигъ клевещетъ на себя!
(Соч. II, 21).

потому что кругомъ стоитъ безвременье, жестокость, гибель, попраніе правъ, нищета и забитость, развѣ не содрогаются тогда всѣ по настоящему молодыя сердца именно такимъ трепетомъ:

Безумнымъ отдалъ бы я всѣ свои дѣла,—
Чтобъ, утомясь игрой убійственнаго пира,
Слѣпая ихъ душа свой тайный свѣтъ зажгла.

Святой оптимизмъ молодости помогаетъ молодымъ людямъ идти на самопожертвованія, потому что горятъ въ ихъ душахъ золотомъ начертанныя слова:

Не окончатся мечты,
Всѣмъ засвѣтится Весна,
Литургія красоты
Есть, была и быть должна.

Самое печальное, самое скорбное, чего только можетъ достигнуть молодость передъ отвратительнымъ

ликомъ зла, единственный доступный ей стонъ и плачъ, это вопросъ Творцу:

Зачѣмъ Онъ создалъ смерть, болѣзнь, страданье,
Зачѣмъ Онъ далъ намъ жгучее желанье—
Грѣшить, роптать и проклинать Творца?

Но отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ даже не старая дуалистическая легенда о мірозданіи, разсказывающая, что міръ созданъ не только Богомъ, но и Сатанаиломъ, что зло—первородно. Не можетъ быть. Не приметъ этой легенды ни одна молодая душа, а если и приметъ, то развѣ для того, чтобы, не медля ни одной минуты, начать сокрушать зло и продолжать мірозданіе уже такъ, чтобы отнять отъ зла малѣйшее въ немъ участіе. Такъ и поступилъ Бальмонтъ. Онъ пересказалъ дуалистическую легенду о мірозданіи въ своемъ сборникѣ „Жаръ-птица“. (Соч. VII, стр. 42, „Въ началѣ временъ“), отбросивъ весь ея дуалистическій смыслъ. Онъ обезвредилъ Сатанаила, онъ даже самую злобу его направилъ на добро.

О комъ я это говорилъ—о молодости или о Бальмонтѣ? Говорилъ о молодости, но всѣ помыслы, чувства, весь складъ ума, свойственные одной только молодости, искрятся и поютъ свои залихватскія пѣсни пѣвучими и своеобразными, пахнущими жгучей солнечностью и ароматами весеннихъ цвѣтовъ стихами Бальмонта.

Да, двадцать пять лѣтъ. А если говорить не только о Россіи, а еще и о Западѣ, гдѣ въ нашу эру жизни человѣчества встаютъ солнца всякой новой правды и всѣхъ новыхъ красотъ, то даже въ три раза больше такъ наз. „новымъ вѣяніямъ“. Современный dolce stil nuovo народился во времена Эдгара По и Бодлэра. Оба упомянутыхъ сонета Бальмонта, сдѣлавшихъ для русской поэзіи то же, что Art poétique Верлэна для міровой, увидѣли свѣтъ въ „Горящихъ зданіяхъ“ десять

лѣтъ тому назадъ. Бальмонтъ былъ тогда совсѣмъ зрѣлымъ, опытнымъ, совершеннымъ поэтомъ. Одинъ изъ сонетовъ, которые я разумѣю, преподалъ:

Пять чувствъ дорога лжи, но есть восторгъ экстаза,
Когда намъ истина сверхчувственно дана.
(Соч. II, 127 „Путь правды“).

Другой сонетъ разъ навсегда отмежевалъ новую поэзію отъ прежней разсудочной, формально убогой, почему-то слишкомъ стыдливой, точно чѣмъ-то запуганной. Бальмонтъ писалъ:

Жрецы элементарныхъ теоремъ,
Проповѣдей вы ждете отъ поэта?
Я проповѣдь скажу на благо свѣта,—
Не сказкой словъ давно извѣстныхъ всѣмъ,
А звучной полногласностью сонета,
Не найденной пока еще никѣмъ!
(Соч. II, „Проповѣдникамъ“).

„Горящія зданія“, „Будемъ какъ солнце“, „Только любовь“—высшій моментъ въ творчествѣ перваго двадцатипятилѣтія Бальмонта. Уже длиненъ его путь. Долго—

Вновь и вновь струятся строки
Звучно сладостныхъ стиховъ.

Не надо молодиться. Не молодъ нашъ dolce stil nuovo. Но въ лицѣ Бальмонта болѣе чѣмъ кого-либо новыя вѣянія *принесли съ собою молодость*.

И теперь къ этому первому двадцатипятилѣтію ихъ нужно прибавить еще: *новыя вѣянія осуществили мечты молодости своей*.

Ихъ назвали, когда впервые начали ихъ обсуждать, новымъ романтизмомъ. Такъ казалось. Этому были основанія. Мечталось. Бальмонтъ пѣлъ:

Намъ снились видѣнія рая,
Чужіе лѣса и луга,
И прочь отъ родимаго края
Иные влекли берега.
(Соч. I, 86).

Съ запада они пришли, и западниками были ихъ первые творцы и поклонники. Любой изъ нихъ могъ сказать:

Меня не манитъ тихая отрада,
Покой, тепло родного очага.
(Соч. I, 63).

Теперь осуществлены мечты; совершено паломничество въ чужія страны, и Бальмонтъ странствовалъ больше всѣхъ. Много, жадно, безъ устали онъ „молился свѣтиламъ не здѣшней страны“. Не мечты, не романтизмъ были слова:

Изъ-подъ сѣвернаго неба я ушелъ на свѣтлый югъ.
(Соч. I, 125).

Онъ дѣйствительно уходилъ въ чужіе края. Норвегія, Англія, Испанія, Мексика, Египетъ, теперь сейчасъ, пока празднуютъ его на родинѣ, Африка и Индія—вотъ мѣста его скитаній и вдохновеній. Русская поэзія въ стихахъ Бальмонта изъ только русской, домашней стала міровой. При этомъ она оставалась и осталась національной. Во всѣхъ своихъ западныхъ и дальше тропеатлантическихъ паломничествахъ помнилъ Бальмонтъ о Россіи, о ея сказаніяхъ, былинахъ, о ея природѣ, о ея политической борьбѣ и скорби, о ея вѣрѣ и самыхъ затаенныхъ чаяніяхъ религіи и быта. Онъ помнилъ опять-таки вовсе не только мечтая. Въ заклинаніяхъ и заговорахъ изъ сборника „Жаръ-птица“, въ голубиныхъ псалмахъ сборника „Зеленый вертоградъ“ Бальмонтъ точно и не поэтъ, а народный вѣщунъ или проповѣдникъ: заговоры—настоящіе заговоры, его голубиные псалмы—настоящіе псалмы.

Пройденный Бальмонтомъ путь, это путь есть отъ мечтательной Луны прежней, пессимистической, убогой, робкой, разсуждающей по указкѣ прозы, русской поэзіи послѣ-некрасовской поры, къ излюбленному имъ, столько разъ, съ такой силой воспѣтому Солнцу.

Солнечность поэзіи Бальмонта не только его молодость, яркость, кипучесть, стихійность, о которой онъ любитъ говорить. „Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть солнце“ и „Я дѣлаюсь мгновеніями во власти всѣхъ вещей“. Солнечность значитъ еще *ясность*. Да, я утверждаю, что Бальмонтъ не только вполнѣ *понятный поэтъ*, но еще вполнѣ *ясный*, залитый солнцемъ въ томъ смыслѣ, что его видно насквозь до самаго дна, какъ ручей въ лѣтнюю пору. Кто не понимаетъ Бальмонта, тотъ просто долженъ скрывать это, либо откровенно сознаться, что не читалъ его. Путь отъ лунной мечтательности къ солнцу, вѣдь это—Боже мой, сколько разъ это было сказано!—путь отъ забитости, смрадности, „болотности“ Россіи 80-хъ годовъ, которую опоэтизировалъ и осудилъ Чеховъ, къ тому, что старался выразить Горькій разсказами, къ тому, что въ жизни произошло съ самаго начала 1900 годовъ, зародившись въ 90-хъ, и оборвалось три года тому назадъ. Перечтите „Болото“, „Надежду“ въ первомъ томѣ и посвященные Горькому стихи „Въ домахъ“ изъ „Будемъ какъ солнце“. Цѣлая эпоха русской жизни прошла въ его поэзіи. Перечитывая его книги, не вспоминаешь, нѣтъ, перечитываешь вновь чуть-ли не всю свою собственную жизнь, свои ненависти, свои „полусвѣты и полусумраки“, свои мечты, свои попытки встать на ноги, бороться, дерзать, достигнуть... Никто, когда чествовали память Некрасова въ 1902 году, такъ живо и пламенно не отозвался на это чествованіе, какъ Бальмонтъ. Это понятно. Именно Бальмонтъ поднялъ оставленный Некрасовымъ стягъ. Передумайте сначала Пушкина и Лермонтова, послѣ Некрасова и, наконецъ, Бальмонта и вы поймете, что было въ Россіи за послѣднее столѣтіе.

Конечно, всѣ осуществленія Бальмонта все-таки только поэзія. Что-же еще? Давно это сказано: „слова поэта суть уже дѣянія его“. Но есть слова, которыя

не дѣянія, и не только потому, что они мечты, а еще потому что они только эстетика. Бальмонтъ отнюдь не эстетъ. Онъ любитъ образъ разноцвѣтныхъ стеколъ, черезъ которыя онъ смотритъ на міръ.

Въ башнѣ, гдѣ мои земные
Дни окончиться должны,
Окна радостно цвѣтныя
Безъ конца внушаютъ сны.
Эти стекла расписныя
Мнѣ самой судьбой даны.
(Соч. II, 89).

Поэтъ-реалистъ Некрасовъ записалъ бы такое признаніе какъ ошибку, скорбь души. Мастерская художника, въ которой вѣдь и онъ былъ запертъ, и изъ которой и онъ не выходилъ,—не выходили и всѣ такъ называемые поэты-общественники вплоть до Надсона и П. Я., посколько они были поэтами. Для Бальмонта легко такое признаніе, потому что никакого зазыва, никакого эстетизма, никакого намека на добрую беззубую старушку, которая зовется „искусствомъ для искусства“ для него въ подобномъ признаніи нѣтъ и не можетъ быть. Для эстетовъ запертость въ башнѣ съ „окнами радостно цвѣтными“—удовольствіе, уютъ, можетъ быть, даже домъ наслажденій: для Бальмонта это подвигъ.

Ницше — создатель и настоящій теоретикъ искусства-подвига, эстетики не гедонистической, а страдающей,— одна изъ самыхъ „счастливыхъ встрѣчъ Бальмонта“. Обѣ книги, которыя, произвели наибольшее впечатлѣніе „Будемъ какъ солнце“ и „Только любовь“— книги ницшеанскія. Прочтите, что сказано тамъ о страданіи. Бальмонтъ остался оптимистомъ; онъ вышелъ изъ застѣнка ницшеанства такимъ же молодымъ и молодъ до сихъ поръ. Но теперь надо сказать и оттого не надо молодиться творцамъ и ревнителямъ новыхъ вѣяній: *новыя вѣянія принесли не только молодость, но и зрѣлость мысли, законченность міросозерцанія.*

„Нужно быть безпощаднымъ къ себѣ. Только тогда можно достичь чего-нибудь“—говорится въ предисловіи къ „Горящимъ зданіямъ“. Этотъ завѣтъ осуществленъ. Принесена жертва. Символически и реально одновременно она формулирована въ ранней поэмѣ „Данте“. Великій поэтъ говорилъ тамъ:

Не страшенъ мнѣ бездушный злобы ледъ,
Любовью я согрѣю мракъ холодный.

И не можетъ запугать его духъ такимъ уже осуществленнымъ, можетъ быть, въ символическомъ, отвлеченномъ смыслѣ уже превзойденнымъ мученіемъ:

И пусть тебѣ отчизна дорога,
Пусть ты ее, любя, благословляешь:
Она тебя отвергнетъ какъ врага.

Не кончилась Голгоѳа Бальмонта, не кончилась Голгоѳа и поэзіи „новыхъ вѣяній“. Одно ясно: и у Бальмонта, и у прочихъ поэтовъ новыхъ вѣяній была своя Голгоѳа, не слова ихъ стоны о страданіяхъ, ихъ изображенія поэтическаго подвига какъ Голгоѳы. Они воплотили въ себѣ, каждый по своему, самое высокое изъ ученія Ницше, безъ котораго въ наше время лишь бездорожье и слѣпое блужданіе. Ахъ, Ницше! Во многомъ онъ повиненъ. Много въ нашей современности пошлаго, маленькаго, гадкаго ницшеанства, а Горькій и Бальмонтъ не мало способствовали, чтобы разсѣивалось именно мелкое ницшеанство, пошлое сверхчеловѣчество по сердцамъ молодежи, словно плевелы и сорныя травы при неряшливомъ посѣвѣ дурно прочищенными сѣменами. Но именно Бальмонтъ лучшій врачъ отъ недуга. Сильно его доброе сѣмя. Читайте самого Бальмонта, а не его перепѣвы, продумывайте его до его конца, не лѣнитесь. Заглушитъ тогда доброе сѣмя поросли плевелъ.

Евгеній Аничковъ.

О лиризмѣ Бальмонта [1]).

Есть лирическіе поэты, лиризмъ которыхъ не поглощаетъ, однако, всѣхъ силъ ихъ души, не исчерпываетъ всего ихъ сознанія, всей творческой воли. Таковъ величайшій изъ лирическихъ поэтовъ христіанской Европы—Данте, творецъ „Новой Жизни“ и вмѣстѣ создатель „Божественной Комедіи“. Таковы и величайшіе поэты Германіи, Гете, и Россіи, Пушкинъ.

Въ противоположность этимъ универсальнымъ поэтамъ, лиризмъ которыхъ лишь одинъ изъ методовъ ихъ многообразнаго міровоспріятія и только одна изъ психологій ихъ сложной души,—есть иные лирики, какимъ былъ, напримѣръ, Верленъ,—я назвалъ бы ихъ обреченными,—только лирики всегда и во всемъ, въ словѣ и въ жизни равно. Имъ напрасно отрекаться отъ своего единственнаго и всепоглощающаго назначенія: за что бы они ни принимались, все обращается у нихъ въ лирику, какъ у сказочнаго царя, что жилъ въ садахъ розъ на берегахъ Пактола,—все, чего бы онъ ни коснулся, превращалось въ золото. Подъ какія бы маски эти поэты ни прятались, изъ подъ всѣхъ личинъ будетъ глядѣть на насъ единственное лицо. И назначеніе ихъ въ томъ, чтобы выявить это свое единственное лицо.

---

[1]) Съ разрѣшенія автора перепечатана изъ журнала „Аполлонъ“ 1912 г. № 3—4, стр. 36—42.

Съ перваго выступленія своего, выдѣляются они своеобразною манерой творчества. Эта манера—естественная, органическая форма, непосредственное выраженіе ихъ своеприроднаго существа, непреднамѣренное, самопроизвольное начертаніе внутренняго принципа, опредѣляющаго возникновеніе и ростъ ихъ художественной личности. Обратить эту манеру въ стиль такимъ лирикамъ рѣдко удается. Объективная природа того общаго закона формы, который мы называемъ стилемъ, не уживается съ ихъ субъективизмомъ, не знающимъ иныхъ нормъ, кромѣ отверженія всякой осознанной нормы. „Я не знаю мудрости, годной для другихъ,"—признается Бальмонтъ... Они посланы въ міръ, чтобы утвердить свою особенность; ихъ единственная добродѣтель—самобытность, единственное паденіе—измѣна себѣ. Они обречены говорить только о себѣ, и когда думаютъ, что говорятъ о вещахъ, каковы онѣ суть, сами обманываются, но насъ не обманываютъ, потому что безъ труда мы замѣчаемъ, что они продолжаютъ раскрывать передъ нами, подъ образами вещей внѣшнихъ, свой собственный внутренній образъ. Ибо въ томъ особенная задача лирики, могущество и предѣлъ ея державы, чтобы, отражая міръ въ зеркалѣ души, какъ это дѣлаетъ всякое искусство, въ то же время показать отраженное въ сочетаніи съ его отразившей душою: во взаимоотношеніи и взаимодѣйствіи съ ней, враждѣ или согласіи, отчужденіи или сліяніи.

Совершенною можно назвать ту лирику, гдѣ сочетающіеся элементы внѣшней данности (элементъ эпическій) и внутренняго воздѣйствія на нее личности (элементъ драматическій) создаютъ гармонію, не затемняющую ни одного изъ обоихъ. Менѣе прекрасно, менѣе чисто, но, быть можетъ, болѣе дѣйственно такое лирическое созвучіе, гдѣ преобладаетъ элементъ личный, гдѣ его активность и порою насильственность создаетъ смѣшеніе сочетающихся цвѣтовъ и окрашиваетъ самую данность первоначальнаго воспріятія своеобразной окраской. Тѣмъ лирикамъ, о которыхъ идетъ рѣчь, обычно свойственна эта тираническая насильственность влюбленныхъ восторговъ. Не таковъ былъ Пушкинъ; эхомъ былъ онъ не только по всеотзывчивости, но и по безусловной вѣрности и чистотѣ отдаваемыхъ имъ звуковъ міра. Онъ былъ поэтъ стиля, не только освободившійся отъ всякой личной манеры, но и великодушно совлекающійся своего внутренняго, личнаго образа, всякій разъ, какъ Аполлонъ потребуетъ поэта къ священной жертвѣ. Но и Пушкинъ въ своемъ всеобъемлющемъ составѣ заключилъ въ себѣ индивидуалиста-лирика, понималъ блаженство разлуки съ разумомъ, испыталъ божественныя иллюзіи лирическаго безумія, славилъ лирическій произволъ и провозглашалъ: „Гордись,—поэтъ: и для тебя закона нѣтъ".

Такъ приходятъ обреченные лирики въ міръ, чтобъ „видѣть солнце", и не имѣютъ нужды заботиться о томъ, такимъ ли видятъ то же солнце другіе, пришедшіе въ міръ, чтобы подъ солнцемъ жить. Непонятную миссію исполняютъ они и страшный подвигъ. Долго не прощается имъ слишкомъ остро ощущаемая аномалія ихъ бытія, и проклятый поэтъ проклятъ, если вѣрить Бодлеру, самою матерью, при первомъ появленіи своемъ на Божій и людской свѣтъ. Но если миссія вѣрно выполнена и люди убѣдились, что передъ ними не опасный колдунъ и не своекорыстный обманщикъ, когда они поняли, что пѣвучее чудовище—Божье пѣвучее дитя,—тогда ядовитыя капли прежней ненависти тонутъ въ морѣ народной любви, и каждое изъ былыхъ проклятій смыто тысячеустнымъ благословеніемъ.

А для чего приходилъ въ міръ своенравный, самоуправный пѣвецъ, прежде проклинаемый, потомъ благословляемый, о томъ вѣдаютъ всю правду только мудрыя звѣзды, а люди знаютъ одно—познаніемъ смутнымъ, если оно живо, расчлененнымъ и отчетливымъ, если

оно мертво и книжно,—что съ тѣхъ поръ, какъ онъ пришелъ, еще по иному и новому глянула всѣмъ въ душу многоликая жизнь, и къ біенію мірового сердца прибавилось нѣсколько лишнихъ мучительныхъ и сладостныхъ содроганій и что, если прежде люди не любили пришельца и, досадуя, не разумѣли о чемъ онъ и къ чему, и во чье пришелъ имя, то не любили лишь оттого, что не знала ихъ любовь, какъ много у нея обителей.

Между тѣмъ любви такой лирическій поэтъ достоинъ по всей справедливости, потому что, исполняя непонятную свою миссію, онъ свершаетъ и страшный подвигъ, но никто не въ силахъ понять, какъ велико страданіе того, чьи болѣзненныя жалобы слагаются въ благоуханныя славословія. Безконечная отчужденность отдѣляетъ пѣвца хваленій отъ хвалимаго имъ міра.

Я говорю не объ отношеніи лирика къ современникамъ, но о глубокомъ трагизмѣ гетерономности—инозаконности, или разноприродности — его сознанія съ міромъ людей. Душа его сгораетъ непрерывной влюбленностью, страстной до насильственности, неугасимо пылающей, какъ солнце, не знающей усталости и успокоенія. Но напрасны попытки соприкоснуться, сообщиться, слиться съ любимымъ:

Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей,
Поетъ надъ розою восточный соловей;
А роза милая не чувствуетъ, не внемлетъ
И подъ влюбленный гимнъ колеблется и дремлетъ.

Не даромъ, въ греческомъ миѳѣ, Аполлонъ такъ часто влюбляется, а любимая, преслѣдуемая нимфа уклоняется, убѣгаетъ, или измѣняетъ свѣтоносному тирану. Посмотрите, какой ужасъ отчужденности глядитъ на насъ изъ такихъ признаній и жалобъ Бальмонта:

Полночь и свѣтъ знаютъ свой часъ,
Полночь и свѣтъ радуютъ насъ.

Въ сердцѣ моемъ призрачный свѣтъ
Въ сердцѣ моемъ полночи нѣтъ.

Итакъ, тотъ, кто „будетъ пѣть о солнцѣ въ предсмертный часъ“, быть можетъ никогда и не видѣлъ солнца, а только призрачный свѣтъ, который всечасно стоитъ въ его душѣ, неподвижный, неумолимый, не дающій сомкнуться вѣждамъ неусыпно зрячаго духа. Вѣдь онъ же самъ увѣряетъ насъ, что въ душѣ его ночью сіяетъ солнце, а днемъ свѣтитъ луна:

Душа моя озарена
И солнцемъ и луной;
Но днемъ въ ней дышитъ тишина,
А ночью рдѣетъ зной.
И странно такъ, и странно такъ,
Что солнце холодитъ...

И какъ ему отказано въ темнотѣ и въ отдыхѣ, такъ ему отказано въ усладѣ молчанія:

Если ключъ поетъ всегда: „да,-да,-да,-да,-да“,
Значитъ въ немъ молчанья нѣтъ—больше никогда.

Отсюда безостановочные, неизсякающіе, непрерывные стихи—рѣдкое, быть можетъ, въ своемъ родѣ единственное чудо почти жуткой непрерывности лирическаго творчества,—безконечныя утвержденія—да, только утвержденія!— бытія во всѣхъ его мимолетныхъ искрахъ и радугахъ. И каждое изъ міріадъ этихъ „да“—водѣ и огню, ночи и дню, тишинѣ и громамъ, высотѣ и глубинѣ, подвигу и преступленію, любви и враждѣ, Богу и дьяволу,—каждое изъ этихъ безчисленныхъ „да“ — лучистая дрожь и ослѣпительное сверканіе огненныхъ спицъ солнечнаго колеса, на которомъ распятъ поэтъ-Иксіонъ. „Будемъ, какъ солнце“, кричитъ онъ намъ съ высоты своего вращающагося пламеннаго креста, каждый оборотъ котораго—мука, и каждый лучъ—крикъ пригвожденнаго:—

Я возгласъ боли, я крикъ тоски...

Но остановиться онъ не хочетъ, ибо въ немъ живъ ужасъ остановки, „horror quietis“:—

Если въ небѣ свѣта нѣтъ, значитъ—умеръ свѣтъ,
Значитъ—ночь бѣжитъ, бѣжитъ, заметая слѣдъ.

Эту муку Иксіона знаетъ и Ницше:

„Свѣтъ—я; когда-бъ я былъ ночь! Но вотъ мое одиночество: я опоясанъ свѣтомъ.
Когда бы я темнымъ былъ и ночнымъ! Какъ желалъ бы я прильнуть къ сосцамъ свѣта!
Но я живу въ моемъ собственномъ свѣтѣ, и опять впиваю въ себя пламя, вырвавшееся изъ меня...
Вы, темные и ночные, вы добываете себѣ тепло изъ свѣтящаго! Млеко и усладу пьете вы изъ вымени свѣта.
Ночь... Громче говорятъ всѣ прядающіе ключи. И моя душа прядающій ключъ.
Ночь... и ключемъ вырывается изъ меня желаніе—желаніе рѣчи“.

Такъ пѣлъ Заратустра...

Довольно! Эти нѣсколько намековъ я не мечтаю обратить въ путь, которымъ могли бы проникнуть въ зачарованную и ужасную страну этой души-купины, горящей и не сгорающей. Они достаточны для того, чтобы напомнить, что истинное лирическое благозвучіе есть пронзительный стонъ болящей груди, знобимой священнымъ недугомъ.

Поистинѣ, геніальное—патологично. Не потому, что оно нарушаетъ нормы: развѣ могло бы оно творить нормы, быть нормативнымъ, если бы оно было только нормальнымъ? Патологично оно потому, что всецѣло обусловлено страданіемъ, тѣмъ болѣе мучительнымъ, что оно по существу неизъяснимо и не сообщаемо.

Страданіе—пафосъ. И эпохи жизни поэта, чье славное служеніе мы тѣмъ благоговѣйнѣе чтимъ, что не самъ онъ произвольно его избралъ, но былъ судьбами избранъ и обреченъ на долго непонятный ему самому

подвигъ,—эпохи этой жизни отмѣчены страдальческими кризисами. Умилительно нѣжный и кроткій на первыхъ шагахъ своего пути, онъ лишь постепенно прозрѣваетъ, съ ужасомъ, глубину бездны, раздѣляющей его отъ остального міра.

Въ этихъ первыхъ осознаніяхъ себя самого и своего особеннаго рокового закона душою еще младенческой есть безпомощное отчаяніе сиротливой покинутости, внезапной горькой разлуки. Поэтъ на краю гибели, высшія силы спасаютъ его—и, возвращенный къ жизни, онъ собираетъ въ одномъ фокусѣ всю свою жизнеутверждающую солнечность... Начинается круговращеніе Иксіона.

Душа поэта опоясана свѣтомъ, но какъ томится она, ожидая и требуя отвѣтныхъ, сочувственныхъ свѣточей! Его жажда: „зажигать—и въ то-же время самому свѣтло сверкать“... Что это? Боль или блаженный экстазъ, этотъ изумительный, изступленный диѳирамбъ, озаглавленный „Ликованіе“:

Свой мозгъ пронзилъ я солнечнымъ лучомъ.
Гляжу на міръ. Не помню ни о чемъ.
Я вижу свѣтъ и цвѣтовой туманъ.
Мой духъ влюбленъ. Онъ упоенъ. Онъ пьянъ.

Какъ лучъ горитъ на пальцахъ у меня!
Какъ сладко мнѣ присутствіе огня!
Смѣшалось все. Людское я забылъ.
Я въ міровомъ. Я въ центрѣ вѣчныхъ силъ.

Какъ радостно быть жаркимъ и сверкать!
Какъ весело мгновенія сжигать!
Со свѣтлыми я свѣтомъ говорю.
Я царствую. Блаженствую. Горю.

Такъ сообщаются огнепричастіемъ духа узники, заключенные въ своихъ одиночествахъ. И изъ глубины своей горящей тюрьмы поэтъ жадно всматривается въ людскіе зрачки, какъ въ окна чужой темницы... Напрасно!.. Но только тотъ, кто видѣлъ, какъ Бальмонтъ

томится и тоскуетъ смертельной тоской внутренняго отъединенія, при тѣснѣйшемъ внѣшнемъ общеніи, знаетъ, что его скорбь объ отчужденіи и раздѣльности—не отвлеченная выдумка, а сущая и разительная правда.

Покорный своей внутренней закономѣрности, онъ всегда только тотъ, кѣмъ онъ родился, въ своей намъ непостижимой тоскѣ и въ своемъ недостижимомъ для насъ пиршественномъ счастіи. Поистинѣ, родятся поэты! Но окружающая среда, не разумѣя изначальной причины, лежащей въ личности, ищетъ истолковать ея проявленія, усматривая въ личныхъ признаніяхъ провозглашеніе новыхъ, руководящихъ началъ и покушеніе на переоцѣнку упроченныхъ цѣнностей. Тотъ, кто сказалъ—„я не знаю мудрости, годной для другихъ“, принимаетъ вызовъ и, защищая себя, какъ лирическую личность, провозглащаетъ, не по своему почину, а по чужому, косвенному наказу, почерпнутыя изъ своего внутренняго закона утвержденія, какъ утвержденія общихъ истинъ.

Отсюда—проповѣдь безначалія и своевластія личности, индивидуализмъ въ его самонадменіи и дерзости, апоѳеозъ башни съ цвѣтными окнами, въ которую запирается отъ міра отшельникъ—эстетъ, только эстетъ—(тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, „башня“ была пережита не эстетомъ, а лирическимъ поэтомъ),—наконецъ, прославленіе „мимолетностей“ и „мгновенностей“, т. е., казалось бы, распыленія согласнаго душевнаго строя и цѣлесообразнаго жизненнаго подвига на атомы самодовлѣющихъ, ни къ чему не обязывающихъ и никакому общему нравственному и духовному началу не подчиненныхъ переживаній и поступковъ.

Такъ и говоритъ вынужденный проповѣдникъ. Между тѣмъ поэтъ переживаетъ свои мимолетности и славитъ ихъ лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ другой и великій поэтъ сказалъ, глядя на водопадъ; „въ многоцвѣтныхъ отблескахъ брызгъ я вижу подобіе жизни“ (Гете, во 2-ой части „Фауста“). И перечитывая нынѣ стихи Бальмонта, блистающіе многообразіемъ мелодій и образовъ, какъ радужныя искры водопада, мы уже ясно видимъ, что каждая воспѣтая имъ мимолетность есть постоянный типическій мигъ, осознаваемый самимъ поэтомъ въ неразрывной связи съ божественнымъ всеединствомъ, псалмопѣвцемъ котораго въ сферѣ видимыхъ радугъ бытія неизмѣнно и вѣрно былъ онъ, не устававшій говорить свое „да“ всему, гдѣ дышала и бушевала энергія человѣческаго порыва и стихійнаго творчества, и свое „нѣтъ“—только смерти, коснѣнію, недвижной, застывшей корѣ живой жизни, мелочности, скупости, трусости духа, порабощенію свободныхъ силъ и раболѣпію рабовъ.

„Измѣнчивымъ, но постояннымъ“ назвалъ себя однажды Бальмонтъ, и мы видимъ, что онъ былъ правъ. Его измѣнчивость была формой утвержденія его постоянства, ибо постоянство чувствовалъ онъ всегда какъ непрерывность движенія и неизмѣнность пути того путника, что съ крикомъ „Excelsior“ безъ устали и страха идетъ и зоветъ на „горныя вершины“.

Одинъ поэтъ изъ Бальмонтовыхъ товарищей, послѣ выхода книги „Будемъ, какъ Солнце“, привѣтствовалъ того, чей „памятникъ прочнѣе мѣди прочной“, мѣдными звуками латинской музы:

Cui palmamque fero sacramque laurum?
Balmonti, tibi. Nam quod incohasti
Spirat molle melos novisque multis
Bacchatum modulans Camena carmen
Devinxit numeris modisque saeclum
Sensumque edocuit vaga intimum aevi.

Я привожу эти слова, потому что они кажутся мнѣ точными и справедливыми. Ихъ смыслъ, въ русскомъ переложеніи соотвѣтствующимъ размѣромъ,—таковъ:

Пальму дамъ я кому и лавръ священный?
Твой, Бальмонтъ, этотъ лавръ! Напѣвъ твой дышитъ
Нѣжной жизнію. Ритмовъ многихъ силу
Въ изступленную пѣснь вложила Муза,
Новой звучностью міръ очаровала:
Безъ пути заблудившись, безъ дороги,
Душу вѣка завѣтную сказала.

Поистинѣ, Бальмонту принадлежитъ побѣдная пальма и дельфійскій лавръ, за то, что онъ—поэтъ, только поэтъ, всегда и во всемъ, и каждое дыханіе его жизни—поэзія, и каждый звукъ его свирѣли—дыханіе жизни; за то, что его стихъ, пѣвучій и „перепѣвный“, исполненъ нѣгой и лаской тающихъ, легкихъ, какъ мелодическій шелестъ тростника, внутреннихъ созвучій и отзвуковъ; за то, наконецъ, что его безумная, блуждающая муза обрѣла волшебныя слова восторга солнечнаго и буйнаго хмеля, сдѣлавшія бодрыми наши первые шаги за порогомъ новаго столѣтія и превратившія, какъ лучъ майскаго солнца, родную поэзію въ весенній садъ, въ вертоградъ зеленый.

Вячеславъ Ивановъ.

Протоколъ Засѣданій Неофилологическаго Общества за 1911 годъ.

Протоколъ 169-го (207-го) Засѣданія Общаго Собранія Неофилологическаго Общества 12 Декабря 1911 года.

Предсѣдательствовалъ А. А. Чебышевъ.

Присутствовали члены Общества: Д. К. Петровъ, К. Ѳ. Тіандеръ, Д. А. Гешвендъ, В. В. Сиповскій, В. И. Бантышевъ, Т. М. Глаголева, В. К. Петрова, И. Ю. Крачковскій и около 10 человѣкъ гостей.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго собранія.

Д. К. Петровъ прочиталъ докладъ „Ибн-Хазмъ и его трактатъ Ожерелье Голубки“, являющійся предисловіемъ къ изданію арабскаго текста, предпринятаго докладчикомъ.

Д. К. Петрову нѣсколько замѣчаній было сдѣлано И. Ю. Крачковскимъ.

Протоколы Засѣданій Неофилологическаго Общества за 1912 годъ.

Протоколъ 170-го (208-го) Засѣданія Общаго Собранія Неофилологическаго Общества по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія литературной дѣятельности К. Д. Бальмонта 11-го Марта 1912 года въ 2 ч. дня.

Предсѣдательствовалъ Ѳ. А. Браунъ.

Засѣданіе, состоявшееся въ залѣ С.-Петербургской Губернской Управы, открылось рѣчью Ѳ. А. Брауна. Затѣмъ были произнесены—рѣчь Ѳ. Д. Батюшкова „О поэзіи Бальмонта“, рѣчь Е. В. Аничкова „Бальмонтъ и англійская поэзія“, рѣчь Д. К. Петрова „Бальмонтъ и его переводы съ испанскаго“ и рѣчь Вяч. И. Иванова „Лиризмъ Бальмонта“.

Отдѣльныя стихотворенія К. Д. Бальмонта и отрывки изъ переводовъ были прочитаны Н. К. Тхоржевской и артистомъ Имп. Театровъ Н. Н. Ходотовымъ.

Не могли быть произнесены стоявшія на программѣ рѣчь Валерія Брюсова „Творчество Бальмонта“ (по невозможности пріѣхать въ Петербургъ) и рѣчь Александра Блока „Бальмонтъ и польская душа“ (по нездоровію).

Засѣданіе закончилось прочтеніемъ слѣдующихъ телеграммъ и привѣтствій:

1) Историко-Филологическій Факультетъ Императорскаго Казанскаго Университета (Деканъ проф. С. Шестаковъ).

2) Харьковское Историко-Филологическое Общество (Предсѣдатель проф. Сумцовъ).

3) Общество Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ (Предсѣдатель А. Грузинскій).

4) „Вѣстникъ Европы“.

5) „Русское Богатство“.

6) „Современный міръ“.

7) „Русская Мысль“.

8) „Аполлонъ“.

9) „Запросы Жизни“.

10) „Шиповникъ“.

11) Издательство А. А. Каспари.

12) „Голосъ“ (Редакторъ Некрасовъ)

13) „Логосъ“.

14) Издательство „Альціона“.

15) Книгоиздательство Скорпіонъ.

16) „Новый Журналъ для Всѣхъ“ и „Новая Жизнь“ (Редакторъ Розенфельдъ).

17) Книгоиздательство Грифъ.

18) Журналъ „Искусство“ (Гехарвестъ) (Редакторъ-Издатель Левонянъ).

19) Книгоиздательство „Мусагетъ“.

20) „Бердянскія Новости“ (Редакторъ Левіусъ).

21) Редакція„ Свободнымъ художествамъ“ и „Противъ теченія“. Ѳома Райлянъ.

22) Mercure de France.

23) „Литературный Фондъ“ (Предсѣдатель Вл. Набоковъ).

24) Московскій Художественный Театръ (Немировичъ-Данченко).

25) Союзъ Драматическихъ и Музыкальныхъ Писателей.

26) Общество Ревнителей Художественнаго Слова.

27) Общество Дѣятелей Періодической Печати и Литературы.

28) Дирекція Московскаго Литературно-Художественнаго Кружка.

29) Общество Свободной Эстетики въ Москвѣ.

30) Кіевское Общество Искусства и Литературы.

31) Литературная Комиссія Кіевскаго Общественнаго Собранія—Зелинская, Гольдманъ, Гуревичъ, Закржевскій, Кузьминъ, Сольскій, Евенсонъ.

32) Кружокъ Поэтовъ и Поэтессъ „Вечера Случевскаго“ (Секретарь Владиміръ Умановъ-Каплуновскій).

33) Группа латышскихъ писателей и поэтовъ—Викторъ Эглитъ, Карлъ Круза, Карлъ Якобсонъ, Карлъ Штраль, Эдвардъ Вульфъ и Артуръ Берзинъ.

34) Цехъ поэтовъ—Анна Ахматова, Владиміръ Бестужевъ, Б. Верхоустинскій, Василій Гиппіусъ, Сергѣй Городецкій, синдикъ, Н. Гумилевъ, синдикъ, М. Зенкевичъ, Георгій Ивановъ, Михаилъ Кузьминъ, Е. Кузьмина-Караваева, Д. Кузьминъ-Караваевъ, стряпчій, Михаилъ Лозинскій, Николай Макридинъ, І. Мандельштамъ, Марія Моравская, Владиміръ Нарбутъ.

35) Группа писателей, ученыхъ, художниковъ и частныхъ лицъ—Коллашь, Срединъ, Михаилъ Гальперинъ, Игумновъ, Котляревскій, Юрьева, Мамбинаго, Качаловъ, Литовцева-Качалова, Михаилъ Ларіоновъ, М. Леви, Кара—Мурза, Борисъ Лазаревскій, Е. Синегубъ, Лопатинъ, Рындина-Соколова, В. Кузнецовъ, Мусинъ-Пушкинъ, Евреинова, Заболоцкая, Клодтъ, Лазаревъ, Ильинскій, М. и Б. Востряковы, Неверова и Поліевктова.

36) Студенческій Литературный Кружокъ при Казанскомъ Университетѣ.

37) Группа слушательницъ Тифлисскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ—Бебурова, Березовская, Хоментовская, Тваладзе, Джамполадова, Горнигъ, Вачнадзе, Хахутова, Калинина, Фиргуфъ, Даниленко, Белланже, Савицкая, Линштедтъ, Чичинадзе, Гогіашвили, Митькевичъ, Авалова, Мириманова, Дикова, Бакладзе, Сохадзе.

38) Литературная Секція Митавскаго Художественнаго Общества.

39) Литературно-Художественная Секція Уфимскаго Семейно-Педагогическаго Общества (Предсѣдатель Жуковъ).

40) Одесское Педагогическое Общество.

41) Кружокъ Икаръ.

42) Владимірское Землячество учащихся въ С.-Петербургѣ (Предсѣдатель Стаховскій. Секретарь П. Якиманскій).

43) Réné Ghil, Gustave Kahn, Henri de Régnier, Francis Vielé-Griffin, Emile Verhaeren, Stuart Merrille, Saint-Paul Roux, Ferdinand Hérold, André Fontainas, Paul Fort, Paul Boyer (Directeur de l'Ecole de Langues orientales), Lot (Professeur à la Sorbonne), Alexandra de Holstein.

44) Stefan Zeromski, Antoni Zange, Boleslaw Zesmian, Bronislawa Ostrowska, Wladyslaw Reymont, Artur Gorski, Waclaw Sieroszewski, Andrzew Strug.

45) Евгеній Ляцкій.

46) Валерій Брюсовъ.

47) Леонидъ Андреевъ.

48) Георгій Чулковъ.

49) Борисъ Зайцевъ.

50) Ремизовы, Алексѣй и Серафима.

51) Бальтрушайтисъ и Поляковъ.

52) Юрій Верховскій.

53) Андрей Бѣлый.

54) Максиміліанъ Волошинъ.

55) М. Кузминъ.

56) Николай Телешовъ.

57) Александръ Пригожинъ.

58) Гилелъ Калмансонъ.

59) Л. Сысоевъ.

60) И. Романовъ (Членъ Суриковскаго Кружка писателей изъ народа).

61) Изабелла Гриневская.

62) Левъ Зиловъ.

63) Леонидъ Баткисъ.
64) Jean Variot.
65) Alexandre Mercereau.
66) Gordon Greig.
67) Paul Boyer.
68) Александръ Блокъ.

Какъ рѣчи, такъ и привѣтствія вызвали оживленные аплодисменты у многочисленной собравшейся публики.

Протоколъ Засѣданія Комитета 15-го Октября 1912 года.

Присутствовали Ѳ. А. Браунъ, Ѳ. В. Зѣлинскій, В. Ѳ. Шишмаревъ, И. И. Гливенко, Ю. Ю. Форсманъ, А. А. Чебышевъ и Д. К. Петровъ:

Комитетъ постановилъ:

1) На основаніи §§ 19 и 20 Устава Общества произвести въ ближайшемъ засѣданіи выборъ предсѣдателя и 6 членовъ Комитета.

2) Предложить на должность Предсѣдателя Общества Ѳ. А. Брауна и А. А. Шахматова.

3) Предложить въ Члены Комитета, кромѣ выбывающихъ по § 20, Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, В. Ѳ. Шишмарева, И. И. Гливенко, А. А. Чебышева и Д. К. Петрова, еще слѣдующихъ лицъ: А. К. Бороздина, В. В. Сиповскаго, Б. П. Сильверсвана, А. А. Смирнова, Ф. Е. Беттака, П. С. Когана, С. А. Венгерова, С. А. Жебелева, И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ и С. А. Адріанова.

4) Раздавать безвозмездно записки Общества (начиная съ 4-го выпуска) тѣмъ членамъ, за которыми не числится недоимокъ.

5) Въ VII выпускѣ записокъ напечатать списокъ членовъ Общества и списокъ получаемыхъ журналовъ.

6) Отправить на юбилей Е. В. Балобановой 19-го Октября 1912 г. депутацію въ составѣ Предсѣдателя и Секретаря.

7) Послать 28-го Октября 1912 г. поздравительную телеграмму И. А. Бунину.

8) Напечатать отдѣльнымъ изданіемъ Общества „Канонъ пособій по нѣмецкому языку и литературѣ“.

9) Устроить въ весеннемъ семестрѣ торжественное, юбилейное собраніе въ память Рихарда Вагнера.

10) Предложить въ Члены Общества Х. Ѳ. Вознесенскую, В. М. Жирмунскаго, А. Я. Левинсона, С. М. Бонкина, Б. А. Кржевскаго, С. В. Соловьева и Л. А. Левину.

Протоколъ 171-го (209-го) Засѣданія Общаго Собранія Неофилологическаго Общества 15-го Октября 1912 года.

Присутствовали Члены Общества: Ѳ. А. Браунъ, Д. К. Петровъ, Ѳ. Ф. Зѣлинскій, Э. Л. Радловъ, Е. Н. Щепкина, А. Е. Пѣсняковъ, С. А. Адріановъ, Ю. Ю. Форсманъ, Е. А. Штейнъ, В. Ѳ. Шишмаревъ, П. С. Коганъ, И. И. Гливенко, Б. П. Сильверсванъ, Н. К. Пиксановъ, Ф. Е. Беттакъ, Т. М. Глаголева, Н. Г. Гаддъ, В. В. Сиповскій, Гр. Мусинъ-Пушкинъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, Е. В. Аничковъ и весьма большое количество гостей.

Предсѣдательствовалъ Ѳ. А. Браунъ.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ двухъ прежнихъ собраній.

Предсѣдатель доложилъ о постановленіяхъ Комитета отъ 15 Октября 1912 года, которыя всѣ и утверждены Общимъ Собраніемъ.

Ѳ. А. Браунъ прочиталъ докладъ „Эволюція романтической теоріи“, предназначаемый къ печати.

Къ докладу, который вызвалъ единогласное одобреніе присутствовавшихъ, было сдѣлано Э. Л. Радловымъ нѣсколько небольшихъ замѣчаній.

Протоколъ Засѣданія Комитета 29-го Октября 1912 года.

Присутствовали Ѳ. А. Браунъ, Ѳ. Ф. Зѣлинскій, Д. К. Петровъ, В. Ѳ. Шишмаревъ, Ю. Ю. Форсманъ, А. А. Чебышевъ.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ прежняго собранія.

По предложенію Ю. Ю. Форсмана, Комитетъ постановилъ: принять участіе въ устройствѣ публичныхъ лекцій почетнаго Члена Общества М. Вальтера (въ Декабрѣ 1912 г.), ассигновавъ на это сумму не свыше 200 руб.

Протоколъ 172-го (210-го) Засѣданія Общаго Собранія Неофилологическаго Общества 29-го Октября 1912 года.

Присутствовали Члены Общества: Ѳ. А. Браунъ, Ѳ. Ф. Зѣлинскій, Д. К. Петровъ, В. Ѳ. Шишмаревъ, А. А. Чебышевъ, Н. Г. Гаддъ, П. И. Ней, В. А. Барминскій, Г. Г. Ноакъ, Б. П. Сильверсванъ, Э. А. Вольтеръ, К. А. Перре, В. В. Сиповскій, Т. М. Глаголева, и около 50 человѣкъ гостей.

Предсѣдательствовалъ Ѳ. А. Браунъ.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго собранія.

Произведены выборы Предсѣдателя Общества и Членовъ Комитета, при чемъ было заявлено о передачѣ голосовъ А. С. Лаппо-Данилевскаго—Ѳ. Ф. Зѣлинскому, В. К. Петровой—А. А. Чебышеву, В. В. Сиповскаго и Е. А. Леве—Д. К. Петрову.—Избранными оказались: въ Предсѣдатели Общества Ѳ. А. Браунъ (14 гол. избирательныхъ, 1 неизбирательный) и въ Члены Комитета—В. Ѳ. Шишмаревъ и Д. К. Петровъ (15 избират. 1 неизбират.). Ѳ. Ф. Зѣлинскій и И. И. Гливенко (13 избират. 3 неизб.) и А. А. Чебышевъ (14 избират. и 2 неизбират.).

Произведены выборы новыхъ Членовъ Общества. Единогласно избраны: Х. Ѳ. Вознесенская, С. М. Боткинъ, Б. А. Кржевскій, А. Я. Левинсонъ, С. В. Соловьевъ, В. М. Жирмунскій и Л. А. Левина.—Ѳ. Ф. Зѣлинскій прочелъ докладъ „Новонайденная сатирическая драма Софокла „Слѣдопыты“, предназначенный имъ къ печати.

Къ докладу нѣсколько небольшихъ замѣчаній сдѣлалъ Ѳ. А. Браунъ. Общее Собраніе утвердило предложеніе Комитета относительно лекцій М. Вальтера.

Протоколъ Засѣданія Комитета 12 Ноября 1912 года.

Присутствовали Ѳ. А. Браунъ, А. А. Чебышевъ, В. Ѳ. Шишмаревъ, Д. К. Петровъ и Ю. Ю. Форсманъ.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго собранія.

Постановлено распредѣлить должности Общества слѣдующимъ образомъ: А. А. Чебышевъ—казначей, Д. К. Петровъ—секретарь и К. Ѳ. Тіандеръ—библіотекарь.

Постановлено: 1) просить г-на Ѳ. Ф. Зѣлинскаго и г-жу Свиридову принять ближайшее участіе въ устройствѣ предлагаемаго вечера въ память Р. Вагнера;

2) поручить В. Ѳ. Шишмареву и А. А. Чебышеву составить программу финансовой и матеріальной стороны этого собранія и озаботиться ея осуществленіемъ;

3) входъ на засѣданіе Общества въ память Р. Вагнера устроить безплатнымъ и для посторонней публики, а за музыкально-вокальную часть торжества взимать плату, при чемъ билетъ будетъ давать право на нумерованное мѣсто;

4) самое торжество устроить въ Маломъ Залѣ С.-Петербургской Консерваторіи.

Протоколъ 173-го (211-го) Засѣданія Общаго Собранія Неофилологическаго Общества 12 Ноября 1912 года.

Предсѣдательствовалъ Ѳ. А. Браунъ.

Присутствовали Члены Общества: Н. К. Пиксановъ, г-жа Гешвендъ, В. В. Сиповскій, С. Ѳ. Ольденбургъ, Б. А. Кржевскій, Д. К. Петровъ, Т. М. Глаголева, В. А. Барминскій, Н. Г. Гаддъ, С. Л. Степановъ, В. М. Жирмунскій и около 60 человѣкъ гостей.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго собранія.

Предсѣдатель доложилъ о постановленіяхъ Комитета отъ 12-го Ноября с. г., которыя и были одобрены Общимъ Собраніемъ.

В. В. Сиповскій прочиталъ докладъ „Сказки сѣвернаго края“ (по сборнику Ончукова), предназначенный къ печати.—Докладчику нѣсколько замѣчаній сдѣлали Ѳ. А. Браунъ и гость В. В. Каррикъ.

Д. К. Петровъ прочиталъ въ своемъ стихотворномъ переводѣ нѣсколько элегій и пѣсенъ изъ „Ожерелья Голубки“ Ибн-Хазма.

Протоколъ 174-го (212-го) Засѣданія Общаго Собранія Неофилологическаго Общества 3-го Декабря 1912 года.

Предсѣдательствовалъ Ѳ. А. Браунъ.

Присутствовали Члены Общества: Д. К. Петровъ, А. А. Чебышевъ, П. С. Коганъ, Е. В. Аничковъ, Ѳ. Ф. Зѣлинскій, Е. Н. Щепкина, Б. А. Кржевскій, Л. А. Левина, Т. М. Глаголева и около 26 человѣкъ гостей.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго собранія.

Е. В. Аничковъ прочиталъ докладъ „Эстетика среднихъ вѣковъ“, предназначаемый къ печати.

Докладчику сдѣлали возраженія Ѳ. Ф. Зѣлинскій, Д. К. Петровъ и Ѳ. А. Браунъ.—Признавая за докладомъ серьезную цѣнность и живой интересъ, они полагали однако, что 1) докладчикъ допустилъ нѣкоторыя неточности въ характеристикѣ эстетики Платона и бл. Августина, 2) нѣсколько особенностей средневѣковой литературы истолкованы докладчикомъ черезчуръ смѣло и 3) обширная тема не дозволила автору довести свою мысль до надлежащей ясности.

Протоколъ Засѣданія Комитета 10-го Декабря 1912 года.

Присутствовали Ѳ. А. Браунъ, Д. К. Петровъ, К. Ѳ. Тіандеръ, А. Л. Чебышевъ и И. И. Гливенко.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго собранія.

Предложены къ выборамъ въ члены Общества П. Е. Щеголевъ (г.г. Пиксановымъ и Аничковымъ), И. В. Егоровъ (г.г. Чебышевымъ и Сиповскимъ) и В. Б. Шкловскій (г.г. Петровымъ и Гливенко). Предсѣдатель доложилъ письмо Члена Общества М. А. Фасмера и свой отвѣтъ на это письмо.—Постановлено—принять къ свѣдѣнію.

Протоколъ 175-го (213-го) Засѣданія Общаго Собранія Неофилологическаго Общества 10 Декабря 1912 года.

Присутствовали: Члены Общества—Ѳ. А. Браунъ, Д. К. Петровъ, К. Ѳ. Тіандеръ, А. А. Чебышевъ, Д. А. Гешвендъ, С. А. Переселенковъ, А. С. Усова, И. И. Гливенко, Н. К. Пиксановъ, С. М. Боткинъ, Т. М. Глаголева, Ѳ. Д. Батюшковъ, Е. А. Ляцкій, Е. В. Аничковъ, Г. Шванебахъ и около 100 человѣкъ гостей.

Предсѣдательствовалъ Ѳ. А. Браунъ.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго собранія.

Произведены выборы членовъ Ревизіонной Коммиссіи за 1911 и 1912 г. Избранными оказались: Е. В. Балобанова (10 гол.), В. И. Бантышевъ (8 гол.) и Г. Ѳ. Линсцеръ (9 гол.).

Предложены къ выборамъ въ ближайшемъ засѣданіи г.г. Щеголевъ, Егоровъ и Шкловскій.

Членъ Общества Н. К. Пиксановъ произнесъ рѣчь, посвященную памяти В. Е. Якушкина, послѣ чего присутствовавшіе, по предложенію Предсѣдателя, почтили память усопшаго вставаніемъ.

Гость М. В. Клочковъ прочелъ докладъ „О процессѣ Н. Г. Чернышевскаго“, предназначаемый къ печати.— Докладъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній, въ которомъ приняли участіе Предсѣдатель, Е. А. Ляцкій, Е. В. Аничковъ, П. Е. Щеголевъ, Ѳ. Д. Батюшковъ и В. Н. Княжнинъ.—Они не согласились съ конечнымъ выводомъ докладчика, что „Чернышевскій былъ осужденъ юридически правильно“, и полагали, что:

1) подлинность записки Чернышевскаго къ В. Костомарову не была доказана;

2) не доказано тождество „Прокламаціи къ народу“ и „Прокламаціи къ барскимъ крестьянамъ“;

3) Чернышевскій вообще не былъ склоненъ къ революціонной дѣятельности въ спеціальномъ значеніи слова;

4) докладчику осталась неизвѣстной закулисная сторона процесса;

5) весь докладъ имѣетъ отношеніе скорѣе къ исторіи Стараго Сената, чѣмъ къ біографіи Чернышевскаго.

Протоколы Засѣданій Неофилологическаго Общества за 1913 годъ.

Протоколъ 176-го (214-го) Засѣданія Общаго Собранія Неофилологическаго Общества 21 Января 1913 года.

Присутствовали Члены Общества: Ѳ. А. Браунъ, Д. К. Петровъ, С. М. Боткинъ, А. А. Чебышевъ, В. И. Бантышевъ, г-жа Гешвендъ, В. Ѳ. Шишмаревъ, Б. А. Кржевскій.

Предсѣдательствовалъ Ѳ. А. Браунъ.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго собранія.

Единогласно избраны въ члены Общества В. Б. Шкловскій, П. Е. Щеголевъ, И. В. Егоровъ.

С. М. Боткинъ прочиталъ докладъ „Біографія Аларкона и его критики“, предназначаемый къ печати.— Докладчику сдѣлали возраженія Ѳ. А. Браунъ, Д. К. Петровъ, В. Ѳ. Шишмаревъ и Б. А. Кржевскій.—Они находили, что докладчикъ:

1) напрасно слишкомъ долго останавливался на испанской критикѣ XVII в.;

2) не обратилъ достаточнаго вниманія на нѣкоторые интересные вопросы, прямо относившіеся къ его темѣ, напр. о причинахъ полемики Лопе де Вега и Аларкона или о равнодушіи романтиковъ къ послѣднему;

3) сдѣлалъ нѣсколько пропусковъ въ литературѣ объ Аларконѣ.

Въ заключеніе оппоненты выразили надежду, что С. М. Боткинъ въ дальнѣйшихъ главахъ своей работы освободится отъ означенныхъ недочетовъ и дастъ русской литературѣ солидное изслѣдованіе о замѣчательномъ испанскомъ драматургѣ.

Протоколъ Засѣданія Комитета 21 Января 1913 года.

Присутствовали Ѳ. А. Браунъ, Д. К. Петровъ, В. Ѳ. Шишмаревъ и А. А. Чебышевъ.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго собранія. Принятъ къ свѣдѣнію отказъ М. Р. Фасмера отъ состоянія Членомъ Общества, изложенный въ письмѣ къ Ѳ. А. Брауну. Заявлено Ѳ. А. Брауномъ и Д. К. Петровымъ о желаніи И. П. Зарина быть избраннымъ въ Члены Общества.—Постановлено поручить Ѳ. А. Брауну и Ю. Ю. Форсману принять участіе въ качествѣ представителей Общества, въ предполагаемомъ обсужденіи вопроса о педагогическомъ журналѣ, возбужденнаго на съѣздѣ преподавателей новыхъ языковъ въ Москвѣ, въ Декабрѣ 1912 года.

Протоколъ Засѣданія Комитета 11 Февраля 1913 года.

Присутствовали Ѳ. А. Браунъ, В. Ѳ. Шишмаревъ, А. А. Чебышевъ, Д. К. Петровъ и членъ Ревизіонной Коммиссіи В. И. Бантышевъ. Прочитанъ докладъ и утвержденъ протоколъ прошлаго собранія.

Заслушанъ протоколъ Ревизіонной Коммиссіи за 1911 и 1912 г. Постановлено съ 1913 года прекратить выписку журналовъ Revue celtique, Zeitschrift f. kelt. Philologie и выписать съ 1906 г. Studj medievali. Принято къ свѣдѣнію сообщеніе Предсѣдателя, что Московское Общество лицъ, интересующихся преподаваніемъ новыхъ языковъ, избрало Ѳ. А. Брауна въ свои почетные члены.—Предложены къ выборамъ въ слѣдующемъ собраніи Общества: Н. Д. Мироновъ, В. Ѳ. Лазурскій, О. В. Рафаиловичъ, А. С. Грушевскій, Е. М. Браудо, В. А. Пестовскій и М. И. Ливеровская (г.г. Щербой, Коганомъ, Брауномъ, Чебышевымъ и Петровымъ).

Протоколъ 177 (215) Засѣданія Общаго Собранія Неофилологическаго Общества 11 Февраля 1913 года.

Присутствовали Ѳ. А. Браунъ, Д. К. Петровъ, А. А. Чебышевъ, В. И. Бантышевъ, С. М. Боткинъ, Ю. Ю. Форсманъ, Л. А. Левина, Б. А. Кржевскій, Г. З. Кунцевичъ, Ѳ. Д. Батюшковъ и значительное количество гостей.

Предсѣдательствовалъ Ѳ. А. Браунъ.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ Ревизіонной Коммиссіи за 1911 и 1912 г.г. Постановлено выразить членамъ Ревизіонной Коммиссіи благодарность за понесенные ими труды.

Общее Собраніе одобрило предложеніе Комитета о выпискѣ журналовъ на 1913 г.

Въ члены Общества единогласно избранъ И. П. Заринъ. Доложенъ списокъ лицъ, предлагаемыхъ къ избранію въ члены Общества въ ближайшемъ собраніи.

Заслушаны доклады: 1) М. И. Ливеровской; Aucassin et Nicolette (характеристика и опытъ перевода), 2) В. А. Пасенко „Отечественная война и цензура“. Къ обоимъ докладамъ, которые назначены къ печати, нѣсколько замѣчаній и дополненій было сдѣлано Ѳ. А. Брауномъ, Д. К. Петровымъ и В. Ѳ. Шишмаревымъ.

Протоколъ Засѣданія Комитета 11 Марта 1913 года.

Присутствовали Ѳ. А. Браунъ, А. А. Чебышевъ, Д. К. Петровъ и В. А. Шишмаревъ.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго собранія. Избрана Коммиссія для разрѣшенія вопроса о библіотекѣ Общества; въ ея составъ вошли: А. А. Чебышевъ, В. Ѳ. Шишмаревъ и М. И. Кудряшевъ.

Протоколъ 178-го (216-го) Засѣданія Общаго Собранія Неофилологическаго Общества 11 Марта 1913 года.

Присутствовали члены Общества Ѳ. А. Браунъ, Д. К. Петровъ, А. А. Чебышевъ, В. В. Святловскій, Д. А. Гешвендъ, В. К. Петрова, Х. Ѳ. Вознесенская, П. И. Ней, С. А. Адріановъ, А. Е. Прѣсняковъ, В. М. Жирмунскій. Н. Г. Гаддъ, С. М. Боткинъ, Ю. А. Метцлеръ, Б. А. Кржевскій, Л. А. Левина и большое количество гостей.

Предсѣдательствовалъ Ѳ. А. Браунъ.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго собранія. Единогласно избраны въ члены Общества Н. Д. Мироновъ, О. В. Рафаиловичъ, А. С. Грушевскій, Е. М. Браудо, В. А. Пестовскій, М. И. Ливеровская и В. Ѳ. Лазурскій.

Ѳ. А. Браунъ прочиталъ главу изъ своего сочиненія по исторіи нѣмецкаго романтизма, посвященную характеристикѣ Новалиса, какъ поэта и мыслителя, и уже находящуюся въ печати.

Докладъ вызвалъ оживленные споры, въ которыхъ принимали участіе В. М. Жирмунскій, В. В. Гиппіусъ, А. Е. Прѣсняковъ, С. А. Адріановъ, В. В. Святловскій и Д. К. Петровъ.—Эти споры, касавшіеся, по преимуществу, двухъ вопросовъ—о субъективныхъ элементахъ міросозерцанія Новалиса и объ отношеніи его къ философіи Фихте—не поколебали докладчика въ его мнѣніяхъ и къ опредѣленнымъ выводамъ не пришли.

Въ заключеніе публика благодарила Ѳ. А. Брауна одушевленными рукоплесканіями.

Протоколъ 179-го (217-го) Засѣданія Общаго Собранія Неофилологическаго Общества 18-го Марта 1913 года.

Присутствовали члены Общества: Ѳ. А. Браунъ, Д. К. Петровъ, В. И. Бантышевъ, Ю. Ю. Форсманъ, В. М. Жирмунскій, С. М. Боткинъ, В. Ѳ. Шишмаревъ,

О. В. Рафаиловичъ, В. А. Пестовскій, Г. Ѳ. Линсцеръ, Д. А. Гешвендъ, Ю. А. Метцлеръ, Х. Ѳ. Вознесенская, М. И. Ливеровская, В. Б. Шкловскій и большое количество гостей.

Предсѣдательствовалъ Ѳ. А. Браунъ.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго собранія.

Г. г. Бантышевымъ и Петровымъ предложенъ къ выборамъ въ члены Общества П. П. Сланскій.

Дѣйствительный членъ Общества В. М. Жирмунскій прочиталъ докладъ „Іенскій романтизмъ и мистика жизни“, предназначенный къ печати.

Докладчику нѣсколько замѣчаній сдѣлалъ Ѳ. А. Браунъ, который находилъ, что при общей цѣнности доклада, дающаго новую концепцію романтизма, докладчикъ 1) не умѣлъ съ полной убѣдительностью доказать свою основную мысль—романтизмъ есть преодолѣніе идеализма, 2) не разъяснилъ генезиса магическаго идеализма.

Протоколъ Засѣданія Комитета 1 Апрѣля 1913 года.

Присутствовали Ѳ. А. Браунъ, Д. К. Петровъ, А. А. Чебышевъ, В. Ѳ. Шишмаревъ.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго собранія.

Заслушавъ докладъ Коммиссіи, учрежденной для обсужденія вопроса о передачѣ библіотеки Общества Главной Университетской Библіотекѣ для завѣдыванія ею, Комитетъ постановилъ внести на обсужденіе и утвержденіе Общаго Собранія слѣдующее:

1) библіотека Общества передается въ завѣдываніе Главной Библіотеки С.-Петербургскаго Университета на слѣдующихъ условіяхъ:

а) дублеты остаются въ прежнемъ помѣщеніи;

б) уники помѣщаются въ Главной Библіотекѣ Университета, но въ отдѣльныхъ шкафахъ;

2) библіотекѣ Общества администраціей Главной Библіотеки будетъ составленъ отдѣльный инвентарь, съ занесеніемъ заглавій книгъ и названій журналовъ на особыя карточки и съ установленіемъ на оныхъ штемпеля Общества;

3) книги и журналы Общества могутъ быть выдаваемы, помимо членовъ Общества, и преподавателямъ Университета на общемъ основаніи.

Кромѣ того Комитетъ постановилъ: въ случаяхъ, если Общее Собраніе одобритъ и утвердитъ вышеобозначенныя предположенія, просить библіотекаря Коммиссіи составить актъ на предметъ передачи библіотеки Общества въ завѣдываніе Главной Библіотекѣ СПБ. Университета.

Протоколъ 180-го (218-го) Засѣданія Общаго Собранія Неофилологическаго Общества 1-го Апрѣля 1913 года.

Присутствовали члены Общества: Ѳ. А. Браунъ, П. С. Коганъ, Д. К. Петровъ, В. М. Жирмунскій, А. Е. Прѣсняковъ, Е. Н. Щепкина, А. А. Шахматовъ, С. А. Пташицкій, Э. А. Вольтеръ, В. Ѳ. Шишмаревъ, П. Е. Щеголевъ, И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, О. В. Рафаиловичъ, Б. П. Сильверсванъ, Е. М. Браудо, В. А. Пестовскій, К. А. Перре.

Предсѣдательствовалъ Ѳ. А. Браунъ.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго собранія.

Общее Собраніе единогласно одобрило и утвердило предложеніе Комитета о передачѣ библіотеки Общества въ завѣдываніе Главной Библіотекѣ С.-Петербургскаго Университета. Единогласно избранъ въ дѣйствительные члены Общества П. П. Сланскій.

Гость И. М. Дамбергъ прочелъ докладъ: „О скандинавскихъ элементахъ въ русской жизни и языкѣ въ

связи съ варяжскимъ вопросомъ“. Докладчику возражали К. А. Перре, Б. П. Сильверсванъ и, главнымъ образомъ, Ѳ. А. Браунъ.—Они не могли согласиться ни съ основной мыслью доклада, ни съ многими изъ его подробностей.—Ими былъ намѣченъ цѣлый рядъ лингвистическихъ и историческихъ ошибокъ (напр. скандинавское происхожденіе „Ями“, существованіе въ Финмаркѣ особаго народа „веринговъ“, отожествленіе Worawit'a съ Forawit'омъ, мнимая связь Varangerfiord'a съ варягами, существованіе этого названія въ IX вѣкѣ и т. д.)—Страдаетъ также и методологія автора, напр. когда онъ не различаетъ сагъ древнѣйшихъ отъ позднѣйшихъ.—Напротивъ, цѣнными представляются соображенія докладчика о шведскихъ и норвержскихъ заимствованіяхъ въ русскомъ языкѣ.

Протоколъ Засѣданія Комитета 6 Мая 1913 года.

Присутствовали Ѳ. А. Браунъ, Д. К. Петровъ и А. А. Чебышевъ.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго собранія.

А. А. Чебышевъ доложилъ объ актѣ передачи библіотеки Общества на завѣдываніе Главной Библіотекѣ С.-Петербургскаго Университета.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

Протоколъ 181-го (219-го) Засѣданія Общаго Собранія Неофилологическаго Общества 6 Мая 1913 года.

Присутствовали члены Общества: А. Я. Левинсонъ, Д. К. Петровъ, А. А. Чебышевъ, В. Б. Шкловскій, Н. Г. Гаддъ, М. И. Ливеровская, В. И. Бантышевъ, Ѳ. А. Браунъ и значительное количество гостей.

Предсѣдательствовалъ Ѳ. А. Браунъ.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго собранія.

Членъ Общества А. Я. Левинсонъ прочиталъ докладъ „Choderlos de Laclos, авторъ Les liaisons dangereuses“, предназначенный къ печати.

Докладчику нѣсколько мелкихъ замѣчаній было сдѣлано Д. К. Петровымъ.

Протоколъ Засѣданія Комитета 11 Ноября 1913 года.

Присутствовали: Д. К. Петровъ, В. Ѳ. Шишмаревъ, Ю. Ю. Форсманъ, И. И. Гливенко, А. А. Чебышевъ.

Предсѣдательствовалъ Д. К. Петровъ.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго собранія.

Комитетъ постановилъ:

1) 25-го Ноября с. г. устроить празднованіе двадцатипятилѣтняго юбилея учено-педагогической дѣятельности Предсѣдателя Общества Ѳ. А. Брауна.

2) На семъ празднованіи поднести Ѳ. А. Брауну адресъ отъ имени Общества и произнести привѣтственную рѣчь.

3) Составленіе адреса поручить г.г. Шишмареву, Гливенко и Чебышеву, а произнесеніе рѣчи Д. К. Петрову.

4) Послать отъ имени Общества привѣтственную телеграмму Н. И. Карѣеву по поводу его 40-лѣтняго юбилея.

5) Отпечатать 1000 экземпляровъ канона нѣмецкихъ школьныхъ книгъ.

6) Предложить къ выборамъ въ дѣйствительные члены Общества г-жу Е. П. Казановичъ (предлагаютъ г.г. Чебышевъ и Браунъ).

7) Уплатить Ю. Ю. Форсману 11 р. за подарокъ, поднесенный отъ имени Общества Почетному Члену Общества г. М. Вальтеру.

8) Остатокъ суммы денегъ, ассигнованной на покрытіе расходовъ по пріѣзду г. Вальтера, въ количествѣ

64 руб. 04 коп. обратить въ неприкосновенный капиталъ Общества.

9) Благодарить отъ имени Общества Императорскій Московскій Румянцевскій музей, а также г. Тальгрена—первый за присылку — Юбилейнаго Сборника Музея, второго—статьи „Un désideratum: L'atlas historique roman“.

10) Принять мѣры къ скорѣйшему выходу въ свѣтъ тома записокъ Общества, посвященнаго юбилею К. Д. Бальмонта.

Протоколъ 182-го (220-го) Засѣданія Общаго Собранія Несфилологическаго Общества 11 Ноября 1913 года.

Присутствовали члены Общества: Н. К. Пиксановъ, И. И. Гливенко, Е. А. Леве, С. А. Переселенковъ, В. Ѳ. Шишмаревъ, Ю. Ю. Форсманъ, А. А. Чебышевъ, В. В. Святловскій, Е. Н. Щепкина, В. Б. Шкловскій, М. И. Ливеровская, О. В. Рафаиловичъ и около 40 человѣкъ гостей.

Собраніе открылось подъ предсѣдательствомъ Д. К. Петрова.

Общее Собраніе единогласно одобрило всѣ постановленія Комитета отъ 11 сего Ноября.

Затѣмъ предсѣдательство принялъ Ѳ. А. Браунъ.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго собранія.

Дѣйствительный членъ Общества Н. К. Пиксановъ прочиталъ докладъ „Проблема подлиннаго текста Горе отъ ума“, предназначенный къ печати.

Докладчику нѣсколько замѣчаній сдѣлалъ Ѳ. А. Браунъ, съ большой похвалой отозвавшійся объ искусствѣ г. Пиксанова владѣть филологическимъ методомъ и о цѣнности его центральнаго вывода относительно рукописей Булгарина и Жандра.

Протоколъ Засѣданія Комитета 25 Ноября 1913 года.

Присутствовали: Д. К. Петровъ, В. Ѳ. Шишмаревъ, А. А. Чебышевъ, И. И. Гливенко, Ю. Ю. Форсманъ, Ѳ. Ф. Зѣлинскій и С. К. Буличъ.

Предсѣдательствовалъ Д. К. Петровъ.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго собранія.

Комитетъ постановилъ: расходы по изготовленію адреса Ѳ. А. Брауну возложить на всѣхъ членовъ Общества въ размѣрѣ 75 коп.

Въ члены Общества г.г. Форсманомъ и Чебышевымъ предложенъ Ю. Патуйе (J. Cl. Patouillet).

Протоколъ 183-го (221-го) Засѣданія Общаго Собранія Неофилологическаго Общества 25-го Ноября 1913 года.

Присутствовали члены Общества: И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, Ѳ. А. Браунъ, Ѳ. Ф. Зѣлинскій, В. А. Пестовскій, И. И. Гливенко, П. С. Коганъ, А. А. Смирновъ, Л. А. Мервартъ, В. Ѳ. Шишмаревъ, А. Е. Прѣсняковъ, Е. Н. Щепкина, Э. А. Вольтеръ, Н. К. Пиксановъ, С. А. Переселенковъ, В. Й. Бантышевъ, Ю. Ю. Форсманъ, А. А. Чебышевъ, Д. К. Петровъ, В. В. Сиповскій, Т. М. Глаголева, Н. Г. Гаддъ, О. В. Рафаиловичъ, Г. З. Кунцевичъ, Г. Ѳ. Линсперъ, П. Е. Щеголевъ, Б. А. Кржевскій, Е. А. Штейнъ, В. Б. Шкловскій, И. А. Стравинская, С. М. Боткинъ, И. П. Заринъ и весьма большое количество гостей.

Предсѣдательствовалъ почетный членъ Общества И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

Ѳ. Ф. Зѣлинскій прочиталъ отъ имени Общества поздравительный адресъ Ѳ. А. Брауну по случаю 25-лѣтія его учено-педагогической дѣятельности. Затѣмъ отъ имени же Общества привѣтствовалъ юбиляра Д. К. Петровъ, а отъ имени педагогическаго и лингвистическаго отдѣленій г.г. Форсманъ и Буличъ.—Кромѣ того

были прочитаны поздравительныя телеграммы.—Ѳ. А. Браунъ въ отвѣтной рѣчи благодарилъ за поздравленіе и выраженныя чувства.—По окончаніи поздравленія Ѳ. А. Браунъ принялъ предсѣдательствованіе въ собраніи.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго собранія. В. А. Пестовскій прочелъ отрывки изъ своего перевода драмы Тирсо де Молины El condenado per descontiodo, предпославъ переводу краткую характеристику пьесы.—Докладчику было сдѣлано нѣсколько замѣчаній Д. К. Петровымъ, С. М. Боткинымъ и Б. А. Кржевскимъ. Присутствующіе благодарили докладчика оживленными рукоплесканіями.

Протоколъ Засѣданія Комитета 16 Декабря 1913 года.

Присутствовали: Ѳ. А. Браунъ, В. Ѳ. Шишмаревъ, И. И. Гливенко, А. А. Чебышевъ.

Предложенъ къ выборамъ въ члены Общества В. А. Пасенко (Ѳ. А. Брауномъ и А. А. Чебышевымъ).

Протоколъ 185-го (223-го) Засѣданія Общаго Собранія Неофилологическаго Общества 16-го Декабря 1913 года.

Присутствовали члены Общества: Ѳ. А. Браунъ, В. Ѳ. Шишмаревъ, И. И. Гливенко, Е. Н. Щепкина, А. А. Чебышевъ, А. В. Ганзенъ, А. А. Смирновъ, Д. А. Гешвендъ, П. Е. Щеголевъ, В. И. Бантышевъ, Д. А. Кржевскій, Т. М. Глаголева, Г. К. Лунина, Э. Ѳ. Мурашкинцева, Х. Ф. Вознесенская, Е. П. Казановичъ и около 100 человѣкъ гостей.

Предсѣдательствовалъ Ѳ. А. Браунъ.

Дѣйствительный членъ Общества Е. М. Браудо прочелъ докладъ: „Парсифаль“ Рихарда Вагнера.—Сдѣлавъ обзоръ первыхъ эскизовъ къ „Парсифалю“, докладчикъ остановился на эскизѣ буддійской драмы „Побѣдители“, задуманной Вагнеромъ въ 1856 г., подъ впечатлѣніемъ

книги Holtzmann'a „Indische Sagen“, и очень близкой, по своему содержанію, къ позднѣйшей концепціи мистеріи. — Затѣмъ докладчикъ перешелъ къ анализу музыкально-драматическаго содержанія „Парсифаля“, причемъ гостьей г-жей С. С. Полоцкой-Емцовой были исполнены на рояли характернѣйшіе „лейтмотивы“.— Отмѣтивъ далѣе важное значеніе идеи искупленія въ міровоззрѣніи Вагнера, Е. М. Браудо характеризовалъ „Парсифаля“, какъ высшее достиженіе философскихъ устремленій поэта.—При разсмотрѣніи музыкальной стороны мистеріи докладчикъ обратилъ особенное вниманіе на симметрію ея общаго плана и на пріемы обработки лейтмотивовъ. При характеристикѣ хоровыхъ ансамблей имъ было указано на вліяніе I. С. Баха и a. capell'истовъ XVI-го ст.

По окончаніи доклада, г-жею С. С. Полоцкой-Емцовой были исполнены на рояли отрывки изъ „Парсифаля“: Прелюдіи къ 1-му и 2-му дѣйствіямъ и „траурный маршъ“ на смерть Титуреля (3-й актъ).

Существенныхъ замѣчаній и дополненій докладъ Е. М. Браудо не вызвалъ.—Нѣсколько вопросовъ, касавшихся главнымъ образомъ выясненія облика Кундри, было предложено докладчику Ѳ. А. Брауномъ.

Списокъ членовъ Неофилологическаго Общества.

Комитетъ.

Предсѣдатель:

Браунъ, Ѳедоръ Александровичъ.

Секретарь:

Петровъ, Дмитрій Константиновичъ.

Казначей:

Чебышевъ, Александръ Александровичъ.

Предсѣдатель лингвистическаго отдѣленія:

Буличъ, Сергѣй Константиновичъ.

Предсѣдатель педагогическаго отдѣленія:

Форсманъ, Юлій Юльевичъ.

Члены Комитета:

Гливенко, Иванъ Ивановичъ.
Зѣлинскій, Ѳаддей Францевичъ.
Тіандеръ, Карлъ Ѳедоровичъ.
Шишмаревъ, Владиміръ Ѳедоровичъ.

Почетные члены.

Бодуэнъ-де-Куртенэ, Иванъ Александровичъ (съ 1909).
Вальтеръ, Максъ (Франкфуртъ на Майнѣ; съ 1909).
† **Вейнбергъ**, Петръ Исаевичъ (съ 1898).
† **Веселовскій**, Александръ Николаевичъ (съ 1895).

Веселовскій, Алексѣй Николаевичъ (съ 1909).
Виммеръ, Людвигъ (Копенгагенъ; съ 1909).
Грёберъ, Густавъ (Страсбургъ; съ 1909).
Д'Анкона, Алессандро (Пиза; съ 1909).
Коршъ, Ѳедоръ Евгеньевичъ (съ 1909).
Леже, Луи (Парижъ; съ 1909).
Мейеръ-Любке, Вильгельмъ (Вѣна; съ 1909).
† **Мистраль**, Фредерикъ (съ 1909).
Морель-Фасіо, Альфредъ (Парижъ; съ 1909).
Норенъ, Адольфъ (Упсала; съ 1909).
Пауль, Германъ (Мюнхенъ; съ 1909).
Піо Райна, (Туринъ; съ 1909).
† **Помяловскій**, Иванъ Васильевичъ (съ 1895).
† **Пыпинъ**, Александръ Николаевичъ (съ 1895).
Руссело, аббатъ (Парижъ; съ 1909).
Свитъ, Генри (Оксфордъ; съ 1909).
Седергельмъ, Вернеръ (Гельсингфорсъ; съ 1909).
Сиверсъ, Эдуардъ (Лейпцигъ; съ 1909).
Тома, Антуанъ (Парижъ; съ 1909).
Томсонъ, Вильгельмъ (Копенгагенъ; съ 1909).
Ферстеръ, Венделинъ (Боннъ; съ 1909).
Фидлеръ, Федоръ Федоровичъ (съ 1909).
Финнуръ Іонсонъ (Копенгагенъ; съ 1909).
Фіеторъ, Вильгельмъ (Марбургъ; съ 1909).
Фортунатовъ, Филиппъ Филипповичъ (съ 1909).
Швейцеръ, Шарлъ (Парижъ; съ 1909).
Шухартдъ, Гуго (Грацъ; съ 1909).
Шюкъ, Генрикъ (Упсала; съ 1909).

Членъ Соревнователь

Карѣевъ, Николай Ивановичъ (съ 1893).

Дѣйствительные члены.

Адріановъ, Сергѣй Александровичъ (съ 1900).
Аничковъ, Евгеній Васильевичъ (съ 1893).
Апполонская, Инна Александровна (съ 1910).

Арабажинъ, Константинъ Ивановичъ (съ 1895).
Балобанова, Екатерина Вячеславовна (съ 1888).
Бальмонтъ, Константинъ Дмитріевичъ (съ 1899).
Бантышевъ, Вячеславъ Ивановичъ (съ 1908).
Барминскій, Василій Андреевичъ (съ 1902).
Батюшковъ, Ѳедоръ Дмитріевичъ (съ 1885).
Берзинъ, Людвигъ Ивановичъ (съ 1897).
Бертенсонъ, Сергѣй Львовичъ (съ 1909).
Беттакъ, Фридрихъ Евгеніевичъ (съ 1908).
Бобринскій, графъ Андрей Александровичъ (съ 1885).
Бороздинъ, Александръ Корниловичъ (съ 1897).
Боткинъ, Сергѣй Михайловичъ (съ 1912).
Боцяновскій, Владиміръ Ѳеофилактовичъ (съ 1903).
Браудо, Евгеній Максимовичъ (съ 1913).
Браунъ, Ѳедоръ Александровичъ (съ 1885).
Буличъ, Сергѣй Константиновичъ (съ 1892).
Варнеке, Борисъ Васильевичъ (съ 1903).
Васильевъ, Леонидъ Лазаревичъ (съ 1902).
Венгеровъ, Семенъ Аѳанасьевичъ (съ 1885).
Веселовскій, Юрій Алексѣевичъ (съ 1899).
Волконскій, Князь Сергѣй Михайловичъ (съ 1885).
Вольтеръ, Эдуардъ Александровичъ (съ 1895).
Гаддъ, Наталья Георгіевна (съ 1910).
Ганзенъ, Анна Васильевна (съ 1896).
Гешвендъ, Дагмара Александровна (съ 1900).
Глаголева, Татьяна Матвѣевна (съ 1910).
Гливенко, Иванъ Ивановичъ (съ 1894).
Грушевскій, Александръ Сергѣевичъ (съ 1913).
Дамичъ, Иванъ Алексѣевичъ (съ 1896).
Делабартъ, графъ Фердинандъ Георгіевичъ (съ 1895).
Демарэ, Марія-Антуанета (M-lle Marie Desmaretz) (съ 1910).
Дюковъ, Николай Михайловичъ (съ 1900).
Егоровъ, Иванъ Васильевичъ (съ 1913).
Жебелевъ, Сергѣй Александровичъ (съ 1907).
Жирмунскій, Викторъ Максимовичъ (съ 1912).

Залеманъ, Карлъ Германовичъ (съ 1898).
Заринъ, Иванъ Петровичъ (съ 1913).
Зауэрбрей, Морицъ Христіановичъ (съ 1899).
Зебровскій, Ѳаддей Урбановичъ (съ 1910).
Зѣлинскій, Ѳаддей Францевичъ (съ 1896).
Ильинскій, Григорій Андреевичъ (съ 1899).
Казановичъ, Евгенія Павловна (съ 1913).
Коганъ, Петръ Семеновичъ (съ 1910).
Колобріеръ, Михаилъ Андреевичъ (съ 1887).
Коноплева, Марія Сергѣевна (съ 1914).
Крачковскій, Игнатій Юліановичъ (съ 1911).
Кржевскій, Борисъ Аполлоновичъ (съ 1912).
Кудряшевъ, Михаилъ Ивановичъ (съ 1885).
Кульманъ, Николай Карловичъ (съ 1901).
Кунцевичъ, Георгій Захаровичъ (съ 1901).
Лавровъ, Петръ Алексѣевичъ (съ 1902).
Лазурскій, Владиміръ Ѳедоровичъ (съ 1913).
Лаппо-Данилевскій, Александръ Сергѣевичъ (съ 1898).
Леве, Евгеній Августовичъ (съ 1896).
Левина-Мервартъ, Людмила Александровна (съ 1912)
Левинсонъ, Андрей Яковлевичъ (съ 1912).
Ливеровская, Марія Исидоровна (съ 1913).
Линсцеръ, Германъ Ѳедоровичъ (съ 1901).
Логиновъ, Владиміръ Павловичъ (съ 1885).
Лунина, Гертруда Карловна (съ 1899).
Ляцкій, Евгеній Александровичъ (съ 1899).
Лященко, Аркадій Іоакимовичъ (съ 1895).
Магнусъ, Ольга Александровна (съ 1907).
Манштейнъ, Сергѣй Андреевичъ (съ 1908).
Марръ, Николай Яковлевичъ (съ 1907).
Мережковскій, Дмитрій Сергѣевичъ (съ 1893).
Метцлеръ, Юлія Адольфовна (съ 1899).
Мироновъ, Николай Дмитріевичъ (1913).
Мурашкинцева-Грюнталь, Эмма Ѳедоровна (съ 1899).
Мусинъ-Пушкинъ графъ, Александръ Алексѣевичъ (съ 1886).

Нарбутъ, Василій Михайловичъ (съ 1899).
Ней, Петръ Ивановичъ (съ 1907).
Ноакъ, Генрихъ Густавовичъ (съ 1908).
Ольденбургъ, Сергѣй Ѳедоровичъ (съ 1899).
Пасенко, Валеріанъ Аркадьевичъ (съ 1914).
Патулье, Юлій (съ 1914).
Переселенковъ, Степанъ Александровичъ (съ 1908).
Перетцъ, Владиміръ Николаевичъ (съ 1896).
Петрова, Вѣра Константиновна (съ 1901).
Петровъ, Дмитрій Константиновичъ (съ 1895).
Перрэ, Карлъ Александровичъ (съ 1908).
Пестовскій, Владиміръ Алексѣевичъ (съ 1913).
Петерсонъ, Ольга Михайловна (съ 1888).
Пиксановъ, Николай Кириаковичъ (съ 1908).
Поліевктовъ, Михаилъ Александровичъ (съ 1902).
Прѣсняковъ, Александръ Евгеньевичъ (съ 1901).
Птапицкій, Станиславъ Львовичъ (съ 1888).
Рафаиловичъ, Ольга Васильевна (съ 1913).
Рафаиловичъ, Сергѣй Львовичъ (съ 1899).
Рожнецкій, С. П. (съ 1900).
Святловскій, Владиміръ Владиміровичъ (съ 1911).
Сильверсванъ, Борисъ Павловичъ (съ 1908).
Сиповскій, Василій Васильевичъ (съ 1897).
Сланскій, Павелъ Петровичъ (съ 1913).
Смирновъ, Александръ Александровичъ (съ 1910).
Соловьевъ, Николай Васильевичъ (съ 1899).
Степановъ, Сергѣй Лаврентьевичъ (съ 1895).
Сухоржевская, Лидія Леонтьевна (съ 1909).
Тіандеръ, Карлъ Ѳедоровичъ (съ 1896).
Усова, Александра Семеновна (съ 1893).
Форсманъ, Юлій Юльевичъ (съ 1908).
Фридолиихъ, Петръ Петровичъ (съ 1910).
Чебышевъ, Александръ Александровичъ (съ 1891).
Чудовскій, Валеріанъ Адольфовичъ (съ 1914).
Шахматовъ, Алексѣй Александровичъ (съ 1385).
Шефферъ, Петръ Николаевичъ (съ 1896).

Шишмаревъ, Владиміръ Ѳедоровичъ (съ 1897).
Шкловскій, Владиміръ Борисовичъ (съ 1913).
Шляпкинъ, Илья Александровичъ (съ 1885).
Штейнъ, Евгенія Агаѳоновна (съ 1900).
Штрембергъ, Луиза Карловна (съ 1909).
Щеголевъ, Павелъ Елисѣевичъ (съ 1913).
Щепкина, Екатерина Николаевна (съ 1888).
Щерба, Левъ Владиміровичъ (съ 1903).
Эрдель, Николай Карловичъ (съ 1901).
Юргенсонъ, Александръ Христіановичъ (съ 1902).
Ѳоминъ, Александръ Александровичъ (съ 1914).

Списокъ журналовъ, выписываемыхъ Неофилологическимъ Обществомъ.

Annales du midi.
Archiv für das Studium der neueren Sprachen.
Arkiv för nordisk filologi.
Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur.
Romanische Forschungen.
Giornale Storico della litteratura italiana.
Jahrbuch der deutschen Shakespeare-Gesellschaft.
Svenska Landsmål.
Literaturblatt für germanische u. romanische Philologie.
Deutsche Literaturzeitung.
Modern Language notes.
Moyen age.
Modern Philology.
Publications of the modern Language Association of America.
Revue critique.
Revue d'histoire littéraire de la France.
Revue des langues romanes.
Revue de philologie française.
Revue de l'histoire des religions.
Romania.
Die neueren Sprachen.
Englische Studien.
Studij romanzi

Zeitschrift für deutsche Philologie.
„ für romanische Philologie.
„ für französische Sprache.
„ für den deutschen Unterricht.
„ für den französischen und englischen Unterricht.
„ für deutsches Altertum.

Выпускъ IV. 1910. Д. К. Петровъ: 25 лѣтъ жизни Неофилогическаго Общества. К. Ѳ. Тіандеръ: Притчи Одина (Hávamál). Б. П. Сильверсанъ: Нѣсколько словъ объ одной диссертаціи. А. А. Смирновъ: Новая теорія происхожденія старофранцузскаго эпоса. Ѳ. А. Браунъ: Кто былъ Ингваръ - путешественникъ? М. И. Ливеровская: Отрывокъ изъ „Атлантиды“ Вердагера. Замѣтки о новыхъ книгахъ. Протоколы за 1909 г.

Выпускъ V. 1911. В. В. Святловскій: Гайавата, какъ историческая личность и какъ герой поэмы Лонгфелло. А. И. Бѣлецкій: Легенда о Фаустѣ въ связи съ исторіей демонологіи. В. Ѳ. Шишмаревъ: Di Alcune Enfances dell' epopea francesa. Протоколы за 1910 г.

Выпускъ VI. 1912. А. И. Бѣлецкій: Народная драма о Фаустѣ. В. Ѳ. Шишмаревъ: Новыя теченія въ разработкѣ средневѣковой монодіи. А. А. Смирновъ: О нѣкоторыхъ новыхъ теоріяхъ касательно происхожденія провансальской лирики. С. Чебанъ. Миѳъ объ Арахнѣ въ богородичной легендѣ. Протоколы за 1911 г.

Цѣны отдѣльныхъ выпусковъ:

I	Выпускъ	1 р. — к.
II	„	1 р. — к.
III	„	1 р. — к.
IV	„	1 р. 50 к.
V	„	2 р. — к.
VI	„	1 р. — к.
VII	„	— р. 75 к.

Три первыхъ выпуска распроданы.

2000 г
№ 1821